
I. РУКОВОДИТЕЛИ ПЕРВЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ КАНЦЕЛЯРИЙ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

«И ПО ИЗСЛЕДОВАНИЮ О НЕМ... КАЖНЕН СМЕРТИЮ, РОЗСТРЕЛЯН»: КНЯЗЬ М. И. ВОЛКОНСКИЙ

1717 года декабря 8 дня в городе Санкт-Петербурге царь и великий князь Петр Алексеевич, примостившись за наклонной канцелярской конторкой, потянулся за пером. На тонкую, голландской выделки бумагу чуть наискось легли прерывисто начертанные государем строки: «За неправо́й суд и преступлени́я... бывшей маеор от гвардии Волхонской... завтрашнего числа, то есть в 9 день будет ка́жнен смертию на большой площади перед канцеля́риями. Сей указ объявлетца для ведения́ народу»¹. Кто же такой был «бывшей маеор от гвардии Волхонской»? И отчего объявление о его предстоящей казни взялся самолично писать будущий Отец Отечества император Петр Великий?

Сегодня личность «маеора от гвардии Волхонского» возможно идентифицировать с полной уверенностью. Приведенные строки государева указа трехсотлетней давности подвели смертную черту в судьбе разжалованного майора гвардии Семеновского полка князя Михаила Ивановича Волконского.

Обреченный на публичную казнь М. И. Волконский являлся выходцем из знатной, многократно ветвившейся фамилии, родоначальником которой считался черниговский князь Михаил Всеволодович, принявший мученическую смерть за приверженность православию в 1246 году в Золотой Орде и впоследствии причисленный к лику святых. Ко времени установления единодержавия Петра I князья Волконские занимали вполне прочные, хотя и не самые выдающиеся позиции в российской правительственной среде. Достаточно сказать, что на протяжении XVII века

79 (!) представителей рода сумели выслужить «московские» чины, войдя в состав привилегированного круга «царедворцев»².

Самым известным представителем фамилии времен Московского царства явился Федор Федорович Волконский (единственный в роду удостоенный чина боярина) — видный администратор и военачальник, особенно прославившийся как руководитель героической обороны крепости Белой Смоленского уезда* во время русско-польской войны 1632—1634 годов. Федор Федорович оставил заметный след и в истории отечественной юриспруденции, став одним из составителей проекта Уложения 1649 года, акта всеобщей кодификации российского законодательства, сохранявшего юридическую силу почти 200 лет. Наряду с этим имевший очевидную склонность к интеллектуальным занятиям князь Ф. Ф. Волконский подготовил небольшой Летописец (до сих пор, увы, неопубликованный), в котором описал наиболее значимые события своей долголетней службы³.

Согласно наиболее авторитетному в части генеалогии князей Волконских труду Г. А. Власьева, будущий гвардии майор Михаил Иванович был единственным сыном стольника И. Ф. Волконского от брака с Дарьей Ивановной⁴, родопроисхождение которой осталось донныне непроясненным. Не удалось к настоящему времени установить также время и место рождения М. И. Волконского. Исходя из обстоятельств его биографии, можно лишь предположить, что князь Михаил появился на свет в конце 1660-х — начале 1670-х годов.

Достоверно известно, что Михаил Иванович имел сестру Анастасию, состоявшую в первом браке с В. И. Леонтьевым, а во втором — с В. И. Чаадаевым⁵, 1669 года рождения, гвардии капитаном, участником основных кампаний Великой Северной войны, ставшим затем полковником и главой администрации Вятской провинции⁶. Поскольку Василий Чаадаев являлся многолетним сослуживцем М. И. Волконского по Семеновскому полку, возможно предположить, что Михаил Иванович сосватал сестру (судя по всему, рано овдовевшую в первом замужестве) за полкового товарища. О том, что Михаил Волконский относился к сестре вполне заботливо, свидетельствует тот

* Ныне город Белый, административный центр Бельского района Тверской области.

факт, что при вступлении княжны Анастасии Ивановны в 1701 году в первый брак он выделил ей в качестве приданого из своего имущества долю во владении четырьмя деревнями⁷.

О семейной жизни самого М. И. Волконского удалось выяснить, что в августе 1691 года он женился на Татьяне Борисовне, урожденной княжне Солнцовой-Засекиной, с которой прожил до конца дней. Детей у четы Волконских не было⁸.

Что касается родителей Михаила Ивановича, то Иван Волконский скончался уже в 1687 году, завещав сыну все свои имения. А вот княгиня Дарья Ивановна пережила мужа более чем на 30 (!) лет. Как явствует из архивных документов, Д. И. Волконская здравствовала еще в 1728 году⁹.

По имущественному положению М. И. Волконский являлся не особенно богатым землевладельцем. В конце жизни он владел 1785 четвертями земли со 122 крестьянскими дворами, разбросанными по разным уездам Центральной России¹⁰.

Благодаря материалам, собранным Г. А. Власевым, представилось возможным опровергнуть поныне расхожую версию, что братом Михаила Волконского являлся князь Г. И. Волконский (Григорий меньшой Иванович) — известный государственный и военный деятель начала XVIII века, дослужившийся в армии до полковника и ставший затем обер-комендантом Ярославской провинции и сенатором «первого призыва». В действительности князь Григорий Волконский принадлежал совсем к другой ветви рода, будучи сыном стряпчего И. Т. Волконского¹¹.

Подобно многим другим представителям фамилии, М. И. Волконский начал карьеру с придворной службы.

Документально известно, что с 1686 по 1694 год он состоял в чине стольника при дворе царицы Прасковьи Федоровны¹², супруги царя Ивана V, соправителя Петра I в 1682—1696 годах. Однако далее в судьбе молодого стольника произошел крутой поворот.

Вместо Кремля Михаил Иванович оказался в солдатском строю, будучи зачислен в учрежденную Петром I Семеновскую потешную роту, получившую название от места первоначальной дислокации в подмосковном селе Семеновском. В 1693 году рота была переведена в Москву, в специально отстроенные деревянные дома на берегу реки Яузы, напротив Немецкой слободы. Эти ротные дома положили начало Семеновской слободе столицы¹³.

Согласно опубликованному документу полкового архива, в 1695 году при переформировании потешной роты в Семеновский полк — один из первых двух полков российской гвардии — М. И. Волконский состоял уже в «начальных людях», имея чин поручика¹⁴. При этом, судя по сохранившимся автографам М. И. Волконского, в отличие от многих однополчан он вполне свободно владел русским письмом, расписываясь связно и размашисто. Да еще неизменно выводя под начертанием фамилии нечастый для тех времен декоративный вензель.

В то же время из проясненных на сегодняшний день обстоятельств биографии Михаила Ивановича следует, что он не попал в число офицеров полка (из вчерашних стольников), командированных в январе 1697 года в образовательную поездку в Западную Европу¹⁵.

Фактологическую информацию о начальном периоде военной службы М. И. Волконского пока обнаружить не удалось. Весьма фрагментарными оказались и выявленные сведения, относящиеся к периоду 1700—1710-х годов.

Между тем уже первый, бесспорно установленный эпизод участия Михаила Волконского в боевых действиях мог с большой долей вероятности стать для него последним. Дело в том, что М. И. Волконскому было суждено оказаться в самом пекле одного из кровопролитнейших сражений Великой Северной войны — штурме шведской крепости Нотебург* (Nöteborg), бывшего русского Орешка.

Ранним утром 11 октября 1702 года десантно-штурмовые партии, размещенные на лодках в миле от Нотебурга, получили сигнал к атаке. Сигналом этим послужил троекратный залп из пяти мортир, который еще и вызвал в крепости сильный пожар¹⁶. Преодолевая быстрое течение, с двух сторон к острову ринулось множество лодок. Однако гарнизон не дрогнул.

Штурм бывшего Орешка продолжался 13 (!) часов. Узкое береговое пространство у крепостных стен чрезвычайно затрудняло маневр атакующих. Приготовленные штурмовые лестницы оказались коротки. Обе стороны сражались с невероятным ожесточением и упорством. В итоге два приступа были отбиты.

На третий приступ штурмовые колонны, сформированные из новой партии гвардейцев и «охотников», повели

* Ныне город Шлиссельбург Ленинградской области (в 1944—1992 годах — Петрокрепость).

подполковник Семеновского полка князь М. М. Голицын и майор Преображенского полка Д. К. Карпов. Этот приступ оказался решающим. Как емко сформулировал Петр I в собственноручно вписанных в победную реляцию строках, «неприятель... видя последнюю отвагу, тотчас ударил шамад*»¹⁷.

По сведениям шведской стороны, решение сдать крепость комендант Густав Шлиппенбах (Gustav Wilhelm von Schlippenbach) принял по настоянию офицеров гарнизона, которые сочли, что невозможно «далее обороняться от столь крупной силы». Высказанное майором Хансом Лейоном (Hans Georg Leijon) предложение взорвать крепость было отвергнуто¹⁸, хотя, учитывая имевшийся запас пороха, осуществить это было вполне реально¹⁹. Соглашение о капитуляции Нотебурга было подписано 12 октября 1702 года. К вечеру этого дня в проломах крепостных стен были выставлены первые российские караулы²⁰.

Взятие крепости обошлось более чем дорогой ценой. Согласно официальной реляции, безвозвратные потери российских войск составили 564 солдата и офицера, санитарные — 968. Особенно значительные утраты понес гвардии Семеновский полк: 105 убитых и 191 раненый²¹. Погибшие гвардейцы были погребены на территории крепости в братской могиле, над которой был насыпан небольшой курган²². Указанное захоронение сохранилось до наших дней.

Падение Нотебурга имело далеко идущие последствия. Наиболее ярко об этом высказался архимандрит Гавриил Бужинский. В проповеди, говоренной 11 октября 1719 года, в очередную годовщину взятия крепости, известный своей ученостью и красноречием архимандрит между иного возгласил: «Се то начало мужества вашего, воинство российское! Се семя всех побед и торжеств твоих, Россие! ...Ключ сей отверзл море Балтийское... Ключ сей основание царствующаго С[анкт]-Питербурха»²³. Да и сам Петр I сходным образом выразился в собственноручно начертанном письме царице Екатерине Алексеевне от 11 октября 1718 года: «Сим ключем много замков отперто»²⁴.

В самом деле, взятие Нотебурга явилось как прологом к скорому основанию будущей столицы имперской России, так и первым из череды тех мощных ударов, которые менее

* Сигнал о готовности к капитуляции, подававшийся барабанным боем. Калька с французского *chamade* — вызов на переговоры.

чем через десятилетие привели к необратимому крушению шведского великодержавия в Ингерманландии, Эстляндии и Лифляндии. Не случайно Петр I, переименовав крепость в Шлиссельбург (что являлось калькой с немецкого Schlüsselburg — Ключ-город), впоследствии превратил дату ее взятия в один из первых праздников российской воинской славы²⁵. Сам он старался отметить праздник на месте боев, с завидной регулярностью посещая крепость²⁶. Последний раз император Петр Великий побывал в Шлиссельбурге 11 октября 1724 года, за три с половиной месяца до кончины²⁷.

Подробностей участия во взятии Нотебурга Михаила Волконского установить к настоящему времени почти не удалось. С какой именно десантно-штурмовой партией он высадился под вражеским огнем на узкую береговую полосу; карабкался ли со шпагой в руке по грудам осыпавшихся камней к пролому в стене или же взбирался по шаткой лестнице на четырехсаженную крепостную стену; где сражался, когда шведский барабанщик ударил шамад, — все эти детали скрыты во мраке истории.

О том, как князь Михаил Иванович пережил день 11 октября 1702 года, достоверно известно лишь два обстоятельства. Первое заключается в том, что М. И. Волконский не получил под Нотебургом ни царапины²⁸, а второе — что за участие в штурме он был произведен из капитан-поручиков в капитаны²⁹, став в результате ротным командиром.

Повышение в чине позволяет с уверенностью предположить, что 11 октября Михаил Иванович находился в самой гуще боя. Учитывая, что старшие офицеры гвардейских полков сами штурмовали стены и проломы*, участие подчиненных во взятии крепости оценивалось ими отнюдь не по письменным донесениям, а по личным впечатлениям. И офицера, который отсиживался где-то у подножия стены, в мертвой зоне обстрела, или же шел на приступ в последних рядах, укрываясь за солдатскими спинами, никто не стал бы представлять к повышению.

А с очевидными трусами на той войне и вовсе не церемонились. Немногие солдаты, которые, дрогнув, бежали

* В этом смысле показательны потери, понесенные старшими офицерами гвардии во время штурма. В Семеновском полку из двух майоров погиб один — Кондратий Елизарович Мейер. В Преображенском полку из трех майоров один — Давыд Гаст — погиб, а другой — Дмитрий Кузьмич Карпов — был тяжело ранен.

из-под стен Нотебурга (в их числе оказалось и 12 гвардейцев, включая прапорщика Преображенского полка Нестора Кудрявцева), понесли суровую кару. Их сначала прогнали сквозь строй, потом заплевали им лица, а затем повесили напротив крепости³⁰.

Следующая осадная операция в Ингерманландии была предпринята российским командованием весной 1703 года. Целью операции являлось взятие крепости Ниеншанц (Nyenskans)*, расположенной у впадения реки Охты в Неву.

Крепость эту осведомленный Густав Адлерфельд охарактеризовал как «маленькую и очень плохо укрепленную»³¹. Располагавшийся на правом берегу Охты под защитой крепости некогда процветавший город Ниен (Nyen), основанный в 1632 году, был полностью сожжен шведами еще в конце октября 1702 года в ожидании атаки российских войск после падения Нотебурга³².

Осада Ниеншанца не затянулась. После неполных суток (!) бомбардировки комендант И. Аполлов (Johan Apolloff) заявил о готовности сдать крепость «на аккорд». 1 мая 1703 года было заключено соглашение о капитуляции³³. На следующий день комендант торжественно поднес генерал-фельдмаршалу Борису Шереметеву на серебряном блюде ключи от крепости³⁴.

Незамедлительно переименовав Ниеншанц в Шлотбург, Петр I затем пришел к выводу, что крепость неудобно расположена и не имеет стратегического значения³⁵, в связи с чем приказал сровнять ее с землей. Так что вскоре поблизости от пепелища Ниена появились развалины Ниеншанца³⁶. Сегодня место, где некогда возвышались бастионы и валы шведской крепости, находится в районе Красногвардейской площади Санкт-Петербурга.

Принимая во внимание, что Семеновский полк был переброшен под Ниеншанц в полном составе, возможно полагать, что М. И. Волконский принял участие в осаде и этой крепости. Бесспорно известно иное. Спустя неделю после падения Ниеншанца гвардии капитану Михаилу Волконскому довелось вновь оказаться в гуще боя. По сравнению со штурмом Нотебурга несравненно более скоротечного, но не менее ожесточенного.

Началось все с того, что в апреле 1703 года шведская Ладожская флотилия завершила зимовку. Загрузив запасы

* В российских документах начала XVIII века крепость именовалась Канцами или Новыми Канцами.

провианта, пива и воды, девять судов флотилии под командованием вице-адмирала Гидеона Нумерса (Gideon von Numers) 28 апреля вышли из Выборга. 4 мая флотилия подошла к устью Невы, где стала на якорь³⁷.

Поскольку Г. Нумерс еще не знал о падении Ниеншанца (организация войсковой разведки у шведов явно оставляла желать лучшего), он направил шняву «Астрильд» и бот «Гедан» вверх по Неве для промеров глубин в ее южном фарватере. Вечером 7 мая шнява и бот встали на якорь у южной оконечности острова Хирвисаари (Hirvisaari)*, неподалеку от устья Фонтанки. Несмотря на то что шведы уже несколько раз наблюдали с кораблей движение групп российских солдат как по берегу, так и на лодках, они не озаботились провести наземную разведку прибрежной зоны. Между тем российские разведывательные дозоры отслеживали все перемещения шведских судов в дельте Невы самым внимательным образом.

В этой ситуации Петр I принял вполне логичное решение атаковать «Астрильд» и «Гедан», столь беспечно заплывшие вглубь территории, где уже не оставалось ни одного шведского солдата. Впрочем, несмотря на очевидные просчеты, допущенные вице-адмиралом Гидеоном Нумерсом, проведение подобной атаки было сопряжено с немалым риском.

Во-первых, основные силы флотилии находились совсем неподалеку и могли достаточно быстро подойти к месту боя. В этом случае небольшие лодки, имевшиеся в распоряжении российского командования, были бы мгновенно потоплены огнем шведской корабельной артиллерии вместе с находившимися на их борту абордажными партиями.

Во-вторых, и «Астрильд», и «Гедан» отнюдь не являлись легкой добычей. Согласно шведским архивным документам, «Астрильд» был вооружен шестью орудиями, в том числе четырьмя однофунтовыми (то есть имевшими калибр 50,8 миллиметра), а «Гедан» — шестью однофунтовыми³⁸ (по российским данным, на «Астрильде» было и вообще 10 пушек, а на «Гедане» восемь³⁹). Численность экипажа «Астрильда» составляла 34 человека, «Гедана» — 25 человек. Кроме того, как показали дальнейшие события, на борту судов находилось некоторое количество солдат. И моряки, и солдаты располагали всеми видами личного оружия — от мушкетов до абордажных мечей.

* Ныне — Васильевский остров Санкт-Петербурга.

Атака на шведские корабли была предпринята близ полуночи 7 мая с двух сторон. Одна флотилия лодок вышла на «Астрильд» и «Гедан» из-за нынешней стрелки Васильевского острова, другая — со стороны Фонтанки⁴⁰. Иными словами, абордажный бой разгорелся почти напротив нынешнего Зимнего дворца Санкт-Петербурга.

Несмотря на внезапность атаки, «Астрильд» и «Гедан» успели сняться с якоря и попытались отплыть в сторону устья Невы. Команды кораблей успели дать по меньшей мере несколько залпов из пушек и мушкетов по приближающимся лодкам (по выражению реляции, «непрестанная по нашим была пушечная и из мелкого ружья стрельба»⁴¹). Когда же бой развернулся уже на палубах, командиры обоих судов приказали их взорвать. Однако исполнить приказ смогли лишь на «Астрильде», который после подрыва пороховых зарядов на корме раскололся на две части и опустился на грунт⁴².

На этом бой, продлившийся около получаса, завершился. 58 шведских моряков и солдат погибли (большей частью, вероятнее всего, при взрыве «Астрильда»), 19 попали в плен⁴³.

Что касается Михаила Волконского, то он атаковал шведские корабли в составе большой команды семеновцев, занявших 12 лодок. Пока не удалось установить, в абордаже какого именно судна участвовал князь Михаил Иванович, но известно, что в ходе боя он получил ранение⁴⁴. Общие потери Семеновского полка в сражении 7 мая составили 20 человек убитыми и 53 человека ранеными⁴⁵. Учитывая, что находившиеся на «Астрильде» и «Гедане» орудия малых калибров перезаряжались достаточно быстро, а стрельба велась на малых дистанциях, следует предположить, что основные потери атакующие понесли, пока сближались с противником.

Петр I был чрезвычайно воодушевлен успехом абордажной операции 7 мая 1703 года. По существу она явилась первой морской победой в истории России⁴⁶.

В ознаменование победы будущий император приказал изготовить памятные медали (в золотом и серебряном исполнении) с рельефным изображением боя и надписью «Небываемое бывает. 1703». Золотыми медалями на цепях были награждены офицеры, участвовавшие в операции, малыми серебряными — солдаты и сержанты⁴⁷. Нет никаких сомнений, что в числе лиц, удостоенных золотой медали, был и гвардии капитан М. И. Волконский.

Не прошло и десяти дней после сражения 7 мая, как семеновцам довелось принять участие еще в одном исторически значимом мероприятии, правда, на этот раз — не боевом.

В числе иных воинских частей Семеновский полк был переброшен на бывший шведский остров Люст-эйланд*, где 16 мая 1703 года состоялась закладка крепости святого Петра. Иными словами, основание города Санкт-Петербурга (получившего имя, правда, несколько позже — 29 июня⁴⁸). Работами по возведению новой крепости семеновцы занимались до 12 июня⁴⁹.

Можно предположить, что в те дни среди однополчан находился и князь Михаил Волконский. В этом случае остается констатировать только непостижимый изгиб судьбы: Михаил Иванович присутствовал при возникновении того самого города, в котором ему было суждено быть казненным.

Дальнейшая военная стезя М. И. Волконского прослеживается по выявленным на сегодня документам весьма и весьма пунктирно. Известно, что летом 1704 года он участвовал в осаде Нарвы** — наиболее мощной и современной крепости в шведской Эстляндии (Svenska Estland), осада которой продлилась дольше и сложилась тяжелее, чем Нотебурга⁵⁰.

Еще в ходе осадных работ, по неполным данным, только убитыми Семеновский полк потерял семерых солдат⁵¹. А 23 июля при смене траншейного караула пулей, выпущенной с бастиона Виктория, был сражен подполковник Преображенского полка Д. К. Карпов⁵², герой штурма Нотебурга, сумевший выжить после тяжелого ранения, полученного 11 октября 1702 года. По распоряжению царя Дмитрий Кузьмич был с воинскими почестями погребен в Санкт-Петербурге⁵³.

Штурм Нарвы состоялся после полудня 9 августа 1704 года. На этот раз штурмовым партиям не пришлось, как при Нотебурге, преодолевать водную преграду, штурмовые лестницы были изготовлены надлежащим образом, в крепостных стенах зияли бреши, а у бастиона Гонор 6 августа обвалился целый фас (участок оборонительной ограды) с парапетом и всей артиллерией⁵⁴, и все же приступ по ожесточенности не уступил нотебургскому.

* Исходное финское название Яниссаари (*Jänissaari*), ныне — Заячий остров Санкт-Петербурга.

** Ныне город Нарва (Narva) уезда Иду-Вирумаа Эстонской Республики.

Не случайно 28-летний майор Семеновского полка князь Б. И. Куракин «пред тем приступом исповедывался и причастился Святых Таин»⁵⁵, то есть духовно приготовился к смерти.

В отличие от ситуации в Нотебурге комендант Нарвы генерал-майор Г. Горн (Henning Rudolf Horn) до последнего момента не желал капитулировать. И лишь когда атакующие уже прорвались в город и растеклись по его улицам, Геннинг Горн, укрывшийся в цитадели, приказал выставить белый флаг и ударить шамад (по версии российской реляции, комендант «сам кулаком в барабан бил»⁵⁶). Однако кто бы ни ударял в барабан, ни о какой почетной капитуляции речи уже не шло⁵⁷.

Как написал впоследствии участник штурма князь Борис Куракин, «и взяли город одними шпагами за три четверти часа»⁵⁸. Так пала шведская твердыня на южном берегу Финского залива.

Победа досталась, однако, дорогой ценой. Многознающий Густав Адлерфельд писал (хотя и с очевидной долей преувеличения), что пространство перед стенами крепости было «покрыто телами погибших [русских солдат]»⁵⁹. Семеновский полк, колонна которого атаковала тот самый бастион Гонор, потерял 9 августа 37 человек убитыми, умершими от ран и пропавшими без вести⁶⁰, а также 58 человек ранеными⁶¹.

Гвардии капитан М. И. Волконский второй раз оказался в числе раненых. Согласно документу полкового архива, князь Михаил Иванович «на приступе был с лестницами... и ранен в левое плечо пулею»⁶². И пуля эта была вовсе не шальная.

Согласно «Ордиру* фелтмаршала, как на штурм кому идти», бережно сохраненному Б. И. Куракиным, 9 августа капитаны должны были возглавить штурмовые группы, состоявшие либо из 30 гренадер, либо из 30 солдат с боевыми топорами⁶³. Указанный состав свидетельствует о том, что они являлись ударными группами, шедшими впереди штурмовой колонны.

Сведений о том, какую именно ударную группу повел за собой М. И. Волконский, выявить пока не удалось, но все они 9 августа 1704 года находились на острие атаки. Благодаря свидетельству Бориса Куракина, вполне объяснимым становится и тот факт, почему из шестерых офицеров-се-

* То есть приказа.

меновцев, получивших ранения при штурме, пятеро являлись капитанами⁶⁴.

Следующее документальное известие, касающееся Михаила Волконского, относится уже к сражению под Добрым (при Молятичах*) 30 августа 1708 года. В ходе этого двухчасового боя группировка российских войск под командованием героя штурма Нотебурга генерал-майора князя М. М. Голицына нанесла поражение шведскому отряду генерал-майора барона Карла Рооса (Carl Gustaf Roos). Потери Семеновского полка составили 74 человека убитыми, умершими от ран и пропавшими без вести⁶⁵ и 195 человек ранеными⁶⁶ (в числе которых были шестеро офицеров).

По поводу М. И. Волконского в полковых документах было кратко отмечено: «На баталии ранен в правое плечо»⁶⁷. Это было третье и последнее ранение князя Михаила Ивановича. Вероятнее всего, из-за незажившей еще раны он не принял участия в знаменитой битве при Лесной** 28 сентября 1708 года⁶⁸, в которой был разгромлен шведский корпус А. Левенгаупта (Adam Ludwig Lewenhaupt), а Семеновский полк понес самые большие потери за все первое столетие своего существования.

Но вот в следующем году гвардии капитану М. И. Волконскому было суждено оказаться участником еще более значимого события — Полтавской битвы. Вместе с тем полковая ведомость «Афицеры ж, которые были на королевской баталии у Полтавы», составленная 7 ноября 1709 года⁶⁹, стала последним выявленным на сегодня документом об участии Михаила Волконского в боевых действиях. Неизвестно, довелось ли князю Михаилу Ивановичу побывать с полком в Прутском походе 1711 года, а также когда именно царь произвел его в гвардии майоры.

Как бы то ни было, в 1713 году майор Семеновского полка М. И. Волконский получил неординарное высочайшее поручение, весьма далекое от полей сражений и ставшее для него роковым.

Дело в том, что, поголовно зная всех гвардейских офицеров, Петр I начал привлекать их для выполнения задач совсем не строевого характера. Гвардейцы стали направляться с ди-

* Ныне агрогородок (белор. *Маляцічы*) в составе Молятичского сельсовета Кричевского района Могилевской области Республики Беларусь.

** Ныне Лясная — агрогородок в составе Лопатичского сельсовета Могилевской области Республики Беларусь.

пломатическими и разведывательными миссиями за рубеж, организовывать трудовые и воинские мобилизации, контролировать деятельность ряда высших должностных лиц⁷⁰.

Неудивительно, что в начале 1710-х годов царь решил привлечь гвардейцев еще и к участию в уголовном судопроизводстве.

25 июля 1713 года в канцелярии царя Петра Алексеевича в числе иных документов был подготовлен — причем с изрядным нарушением бюрократических канонов — «Указ маеору от гвардии Волконскому», в котором ему предписывалось произвести следствие о «худых поступках» архангелогородского обер-комиссара Д. А. Соловьева.

Как явствует из сохранившегося в архиве подлинника документа, уже в полностью оформленный и подписанный царем указ — прямо поверх высочайшей подписи (!) — было внесено дополнение, которым «маеору от гвардии Волконскому» предписывалось также расследовать еще и эпизоды о «взятках и других обидах жителям» со стороны устюжского комиссара С. М. Акишева. Кроме того, Петр I собственноручно вписал в раздел документа, относящийся к Дмитрию Соловьеву, фразу: «И буде дойдет до пытки, пытать»⁷¹. В тот же день указ был заново переписан набело и повторно скреплен монаршей подписью⁷².

Так необычно подготовленный именной указ от 25 июля 1713 года явился актом об учреждении первой в истории отечественного государства и права следственной канцелярии, положившей начало развитию специализированных органов следствия России⁷³.

К появлению столь значимого именного указа привела достаточно длинная череда событий.

Началось все с того, что Федор Протопопов, Сила Смольников и Иван Оконнишников, представители фискальской службы в Великом Устюге⁷⁴, 28 августа 1712 года подали в Правительствующий сенат доношение о бесчинствах подьячих и солдат, направленных в Устюжский уезд комиссаром С. М. Акишевым для взыскания недоимок. Согласно сведениям, добытым фискалами, подчиненные Семена Акишева вели себя как ничем не стесненные иноплеменники, завоевавшие устюжские края силой оружия.

Как извещали фискалы, «они, подьячие и солдаты, приехав... и указов соцким* не объявля, бьют без милости

* То есть сотским, выборным должностным лицам органов местного самоуправления.

и тиранскими муками мучат: вешают в дыбы и на козле (особый станок для телесного наказания. — *Авт.*) плетми свинцовыми бьют и огнем страшат. И в церковной трапезе батожьем и на козле бьют ругательски руки и ноги и зубы ломают. И многих жен за власы волочили и нагих девиц водили, также многих жен блудным воровством сильно бесчестили». Сам комиссар обвинялся в потворстве бесчинствам подчиненных, а также вымогательстве взяток⁷⁵.

Сенаторы не оставили доношение без внимания. Уже 20 сентября было принято решение об отстранении Семена Акишева от должности и вызове его для допроса в Сенат. 25 сентября в Великий Устюг за комиссаром выехал сенатский подьячий Евсевий Говорков.

Дальше события приняли неожиданный поворот: комиссар Семен Матвеевич ехать в Москву отказался. Как сообщил в Сенат 10 ноября Е. Говорков, «он, комиссар, сказал, что к Москве не едет и указу не послушает, для того что отпущен (назначен. — *Авт.*) от губернатора, а не от Сената... И он, подьячий, велел ево, комисара, посланным драгунам взять. И он, комиссар, учинился государеву указу силен*, от драгун отбился»⁷⁶.

Крайне самоуверенное поведение Семена Акишева было не случайным. Комиссар рассчитывал на поддержку своего руководства. Благоволивший к Семену Матвеевичу глава Архангелогородской губернии вице-губернатор А. А. Курбатов и в самом деле решительно вступился за подчиненного и отказался выслать его в Сенат. Иными словами, в ходе разгоревшегося вокруг С. М. Акишева бюрократического конфликта вице-губернатор Алексей Курбатов отказался признать юрисдикционные полномочия Правительствующего сената по отношению к государственным гражданским служащим Архангелогородской губернии.

Все, что сенаторы смогли противопоставить самовластию вице-губернатора, — это направить в губернию лицо с более высоким служебным статусом, нежели подьячий Евсевий Говорков. 19 июня 1713 года Сенат командировал в Архангельск стольника С. Е. Пашкова. В его задачу входило произвести проверку обстоятельств уголовного дела, возбужденного устюжскими фискалами против Семена Акишева.

Однако и Семену Пашкову не удалось преодолеть сопротивление губернских чиновников. Стольник был оста-

* То есть отказался исполнять.

новлен в Вологде ландрихтером* И. Ф. Нахаловым, который отказался принять у него подорожную, не дал солдат для рассылок, а заодно воспрепятствовал аресту нескольких подозреваемых⁷⁷. Впрочем, к тому времени криминальные сюжеты, связанные с руководящими должностными лицами Архангелогородской губернии, уже не исчерпывались делом С. М. Акишева.

Дело в том, что в феврале 1713 года уже сам А. А. Курбатов известил Петра I о крупномасштабных махинациях командированного из Москвы в Архангельск обер-комиссара Дмитрия Соловьева при установлении цен на товары казенного экспорта, об организованной им незаконной хлебной торговле и неуплате таможенных пошлин⁷⁸. По всей очевидности, Алексей Курбатов надеялся, что следствие по делу обер-комиссара будет поручено именно ему. Однако царь не вдохновился идеей передать расследование особо важного уголовного дела региональному администратору, да еще в лице столь склонного к самоуправству вице-губернатора. Вместо этого 25 июля 1713 года была учреждена упомянутая следственная канцелярия «маеора от гвардии Волконского».

В именном указе от 25 июля 1713 года говорилось, что гвардии майору надлежит произвести исключительно досудебное разбирательство обвинений против архангелогородских администраторов, а затем доставить само дело и обвиняемых («которые тому делу будут виноваты») в Санкт-Петербург. В остальном деятельность руководителя канцелярии никак не регламентировалась с процессуальной стороны — кроме отмеченного выше закрепления за ним права самостоятельно принимать решения о попытке подследственных**.

27 июля в дополнение к указу секретарь царя А. В. Марков направил руководителю канцелярии письмо с изложением дополнительных высочайших указаний. Первое из них заключалось в запрете предпринимать какие-либо следственные действия в отношении вице-губернатора А. А. Курбатова, а второе — в необходимости соблюдать, в современном понимании, тайну следствия («и сие изволь хранить тайно»)⁷⁹.

* Помощник губернатора по судебным вопросам.

** Это являлось значительным отступлением от старомосковской традиции, по которой применение пытки к должностным лицам выше подъячего санкционировалось по меньшей мере руководителем центрального административно-судебного органа.

Деятельность канцелярии ведения князя Михаила Ивановича оказалась, однако, не вполне успешной. Для начала М. И. Волконский сумел в сжатые сроки и в полном объеме провести расследование дела комиссара Семена Акишева, в ходе которого в основном подтвердились вскрытые фискальской службой эпизоды его преступной деятельности. Достаточно сказать, что для изобличения Семена Матвеевича и его команды следственной канцелярией князя Михаила Ивановича были допрошены 219 (!) местных жителей, «которых били и мучили, и грабежом взятки брали», а также «во свидетелство в улику» проведены 174 (!) очные ставки⁸⁰.

Семену Акишеву, некогда ощущавшему себя «хозяином» Устюжского уезда, грозившему фискалам, что «велит их шпагами колоть до смерти», довелось хлебнуть лиха за попустительство бесчинствам подчиненных и вымогательство взяток. К слову сказать, в данном случае С. М. Акишев нарушил и прямые указания вице-губернатора.

Как открылось в ходе следствия, перед направлением в Устюжский уезд А. А. Курбатов выдал Семену Акишеву в июле 1711 года особую инструкцию, в которой специально предписал «смотреть прилежно» за подчиненными ему подьячими и солдатами, «дабы от них народного и никакого никому разорения и обид не было, чтоб за них было не причтено ево неусмотрению. И сам управляй, бояся бога и царских законов, усматривая во всем истины»⁸¹.

В ходе расследования М. И. Волконского Семену Матвеевичу «причлось» многое. Находясь под следствием, комиссар предпринял даже попытку суицида. Как отмечено в одной из записей следственного дела, «в третий застенок* [С. М. Акишев] привожен и роспрашиван, а не пытан, для того что был болен: преж застенка резался по горлу и по брюху в трех местах»⁸².

Однако затем направленность следствия изменилась. Поскольку Д. А. Соловьев был неформально, но тесно связан с герцогом Ижорским светлейшим князем А. Д. Меншиковым, Михаил Волконский предпочел не проявлять излишнего рвения в расследовании махинаций обер-комиссара. Вместо этого, видимо в угоду Александру Меншикову, М. И. Волконский (вопреки высочайшему указанию от 27 июля) взялся за сбор материалов против излишне ретивого вице-губернатора А. А. Курбатова.

* То есть на третий допрос под пыткой.

Превращение Алексея Курбатова из инициатора следствия в обвиняемого происходило неспешно, но необратимо. В январе 1714 года царь отстранил вице-губернатора от должности, а в мае того же года дал наконец Михаилу Волконскому санкцию расследовать «дело преступления Курбатова»⁸³. Что же до временно отстраненного от должности Дмитрия Соловьева, то он был в том же мае, наоборот, возвращен к исполнению обер-комиссарских обязанностей.

Однако не дремали и противники М. И. Волконского в правительственных сферах. Еще в конце 1713 года руководитель фискальской службы Москвы А. Я. Нестеров направил Петру I доношение, в котором обвинил Михаила Ивановича в «худых и указу противных делах», в частности во взятках с поморских жителей. Заодно выразив готовность в дальнейшем представить царю более подробные сведения, уличавшие гвардии майора. Собственноручная резолюция Петра I была краткой: «Приготовляй к зиме»⁸⁴.

Кроме того, 21 сентября 1714 года к воротам Устюжской провинциальной канцелярии было подброшено адресованное новому архангелогородскому вице-губернатору гвардии капитану П. Е. Лодыженскому подметное письмо, в котором Михаил Волконский обвинялся также в том, что «в бытность на Устюге... народу чинил великое раззорение и со многих брал взятки». Это письмо было переправлено вице-губернатором в Сенат 26 октября⁸⁵.

Князя Михаила Ивановича компрометировал, как мог, и лишившийся из-за него должности А. А. Курбатов. Обладавший литературными наклонностями, Алексей Александрович описывал моральный облик гвардии майора в апокалиптически мрачных тонах: «Он, Волконской, царского повеления... преступник, его величества вымышленной оболгатель*, указам его государевым непослушник, многих государственных интересов повредителям лукавой прикрыватель, и сам повредитель и хищник, многих напрасный разоритель и кровопийца и мститель, злодейственный, вор и коварный составщик** и лакомый мздоимец, и давно обыкший ябедник и ученик богопротивного волшебства, для которого держал он у себя бабу волшебницу»⁸⁶. Учитывая, впрочем, что М. И. Волконский выявил все же ряд эпизодов получения Алексеем Курбатовым взяток и

* То есть автор заведомо ложных доношений главе государства.

** Составитель фальшивых документов.

превышения им должностных полномочий, приведенные строки вряд ли имеет смысл воспринимать буквально.

Как бы то ни было, изрядно затянувшаяся архангелогородская миссия Михаила Волконского чем дальше, тем больше вызвала недовольство главы государства. Неоднократно получавший от царя указания поскорее завершить расследование, Михаил Волконский был, в конце концов, отозван в столицу достаточно резким письмом Петра I от 17 марта 1715 года⁸⁷. Вскоре именным указом от 27 января 1716 года Михаил Иванович сам был отдан под следствие следственной канцелярии гвардии капитана Г. И. Кошелева и дьяка Ф. Д. Воронова⁸⁸.

Одновременно следственная канцелярия Герасима Кошелева и Федора Воронова возобновила в полном объеме расследование дела Д. А. Соловьева. Генерал-фельдмаршал А. Д. Меншиков, чья репутация в глазах царя изрядно пошатнулась в связи с разоблачением в 1715 году «подрядной аферы» (о ней еще будет рассказано), теперь уже не мог с прежним успехом прикрывать своего фактотума. Это было началом злостных действий князя Михаила Волконского.

Впрочем, поначалу Александр Данилович все же пытался как-то посодействовать гвардии майору М. И. Волконскому. Как явствует из «Юрнала» повседневных занятий светлейшего князя (который его личная канцелярия вела по образцу «юрналов» царя), 26 октября 1716 года он посетил дом своего «маршалка»* Федора Соловьева. Повод был законный: именины родного брата Федора Алексеевича, коим являлся обер-комиссар Дмитрий Соловьев.

В роскошные каменные палаты Ф. А. Соловьева на Васильевском острове⁸⁹ в числе иных гостей прибыли глава следственной канцелярии Герасим Кошелев и... «маеор от гвардии князь Волконской»⁹⁰. Так гвардии капитан Герасим Иванович очутился за одним столом сразу с двумя своими подследственными. Нечего и говорить, что за приглашением в дом Федора Соловьева стоял А. Д. Меншиков, имевший тогда — в период длительной зарубежной поездки царя — *de facto* неограниченную власть в столице. В такой вот обстановке порой велись расследования 300 лет назад.

Состав инкриминированных М. И. Волконскому деяний на сегодня окончательно не прояснен. Поиски материалов как следственного, так и судебного производств по

* То есть дворецкого (гофмаршала), наемного управляющего домом и частным хозяйством.

делу Михаила Волконского, предпринятые в фондах трех федеральных архивов, оказались к настоящему времени безрезультатными. Последние выявленные сведения о судебном деле князя Михаила Ивановича находятся в реестре дел, хранившихся в личной канцелярии Петра I, которые бывший кабинет-секретарь А. В. Макаров направил в сентябре 1727 года в Верховный тайный совет.

Одним из пунктов реестра значится: «1717 [год]. ...Крейс-рехт* над майором гвардии Михаилом Волконским, держанный в делах Алексея Курбатова с Соловьевым и прочих в неисправлении по данным пунктам»⁹¹. Помимо приведенных сведений реестра, об обвинениях, выдвинутых против Михаила Волконского, возможно судить лишь еще по нескольким кратким упоминаниям, разбросанным по архивным документам. В частности, в документе 1726 года, подготовленном в сенатской канцелярии, упоминалось, что М. И. Волконский был осужден «за неправоу суд** и преступление указов»⁹².

По всей очевидности, Михаил Волконский был обвинен в свертывании (в нарушение именного указа от 25 июля 1713 года) расследования против Д. А. Соловьева, в частичной фальсификации дела против А. А. Курбатова, а также во взятках с поморских жителей. О ходе расследования уголовного дела М. И. Волконского сохранились лишь единичные сведения.

Известно, что поначалу князь Михаил Иванович (расчитывая, быть может, на более действенную поддержку Александра Меншикова) отказывался являться на допросы, не передал в канцелярию Г. И. Кошелева ряд документов из расследовавшихся им дел. Учитывая непростую, мягко говоря, обстановку, Герасим Иванович доложил о ситуации главе государства.

Петр I отреагировал незамедлительно и резко. 28 декабря 1716 года сопровождавший государя в зарубежной поездке гвардии подполковник князь В. В. Долгоруков на-

* То есть «кригсрехт», военный суд. По верному замечанию историка права О. И. Чистякова, утверждение в российском законодательстве термина «кригсрехт» является примером использования «французско-нижегородского или, вернее, немецко-нижегородского диалекта». В переводе с немецкого кригсрехт — это военное право, а не военный суд. Точная калька с термина «военный суд» (*Kriegsgericht*) должна была звучать как «кригсгерихт».

** В данном случае подразумеваются предпринятые Михаилом Волконским следственные действия.

правил Герасиму Ивановичу письмо, в котором передал высочайшее указание принудительно изъять у М. И. Волконского все остававшиеся у него материалы «архангельского дела», а его самого — в случае дальнейшего уклонения от участия в следственных действиях — взять под стражу («взять в канцелярию и держать за караулом»)⁹³.

Впрочем, насколько возможно понять, столь суровая мера пресечения в отношении гвардии майора следственной канцелярией не избиралась. О том, что Михаил Иванович не находился под стражей до самой передачи его дела в суд, свидетельствует подготовленная им пространная записка («доношение») о «винах» А. А. Курбатова, к которому гвардии майор испытывал, по всей очевидности, глубокую личную неприязнь. Формально адресованное «благородным господам судьям* полковнику Герасиму Ивановичу Кошелеву да дьяку Федору Воронову» доношение было подписано М. И. Волконским 11 ноября 1717 года⁹⁴, а уже 12 ноября подано им лично (!) царю⁹⁵ (прибывшему в Санкт-Петербург из-за рубежа 9 октября⁹⁶).

Несмотря на то что Петр I ознакомился и с представленным доношением, и с приложенными к нему материалами и даже наложил резолюцию «Исследовать»⁹⁷, участи Михаила Ивановича это не переменяло. По фантастическому совпадению в тот же самый день 11 ноября гвардии подполковник князь Василий Долгоруков направил командовавшему гвардией подполковнику князю П. М. Голицыну письмо с изложением высочайшего указания о вызове в Санкт-Петербург четырнадцати офицеров Преображенского и Семеновского полков⁹⁸. Судя по всему, именно из этих офицеров несколько позднее и был образован кригсрехт, перед которым предстал Михаил Волконский.

Тогдашние военные суды (те самые «кригсрехты») представляли собой временные коллегиальные судебные присутствия, формировавшиеся из строевых военнослужащих для рассмотрения уголовных дел по обвинению их сослуживцев. Поскольку Михаил Волконский служил в гвардии, судить его должны были офицеры Преображенского и Семеновского полков.

Между тем процесс над князем Михаилом Ивановичем являлся всего лишь вторым в XVIII веке случаем, когда под

* В данном случае Михаил Иванович использовал термин «судья» в архаичном значении, в котором термин означал руководящее должностное лицо любого органа государственной власти.

судом оказался гвардейский офицер. Причем обвиненный в совершении отнюдь не воинского преступления.

В 1712 году за взятки был отдан под суд поручик Преображенского полка Н. Т. Ржевский. Выходец из многократно ветвившегося старинного рода (восходившего к смоленским удельным князьям), поручик Никита Ржевский был в октябре 1707 года направлен Петром I в союзную Речь Посполитую на должность российского коменданта Полоцка⁹⁹. Никите Тимофеевичу, получившему под команду небольшой гарнизон, предстояло наглухо перекрыть со своего направления сухопутную и речную доставку в шведскую еще тогда Ригу товаров и продовольствия.

Однако с выполнением государева поручения дело у Никиты Тимофеевича не заладилось. Воспользовавшись относительно автономным положением, он занялся неуместным личным обогащением. Избрав в качестве посредника некоего «полоцкого жида» Авраама Рубанова, потомок удельных князей принялся вступать в переговоры с купцами, регулярно предоставляя некоторым из них (разумеется, не безвозмездно), выражаясь по-современному, «зеленый коридор» в сторону Риги.

11 июня 1712 года обвиняемый Никита Ржевский подал царю повинную челобитную, в которой признал факт пропуска в Ригу за взятки шести купеческих судов с товарами. В качестве смягчающих вину обстоятельств Никита Тимофеевич указал гибель на государственной службе своих отца и деда*, а также полученные им самим ранения¹⁰⁰.

Для рассмотрения дела Н. Т. Ржевского в июле 1712 года в летнем войсковом лагере под Санкт-Петербургом был созван кригсрехт под председательством генерал-майора А. А. Головина. 16 июля военные судьи единогласно приговорили Никиту Ржевского за получение взяток к смертной казни¹⁰¹.

Поскольку приговор строевому офицеру вступал в законную силу только после утверждения царем, материалы кригсрехта в сентябре были направлены Петру I¹⁰². Окончательное решение судьбы Никиты Тимофеевича затянулось. Царь определился с приговором лишь в апреле 1714 года.

* Дед Никиты Ржевского, окольный Иван Иванович, погиб 3 августа 1677 года при обороне Чигирина, отец — стольник Тимофей Иванович, состоявший в должности воеводы Астрахани, был убит 30 июля 1705 года восставшими стрельцами и горожанами.

По высочайшей воле смертная казнь была заменена Н. Т. Ржевскому на наказание кнутом, конфискацию имущества и бессрочную ссылку в Сибирь. В том же апреле в Санкт-Петербурге бывший гвардии поручик перед строем полка был «кладен на плаху к смертной казни, и по свободе от смерти учинено наказание, бит кнутом», а затем отправлен под конвоем к месту ссылки¹⁰³.

В случае с Михаилом Волконским приговор кригсрехта был так же беспощаден: смертная казнь с конфискацией имущества. Поскольку для постановления приговора в 1717 году российский военный суд мог использовать единственный законодательный акт — Артикул воинский редакции 1715 года¹⁰⁴, можно предположить, что обвинения, предъявленные М. И. Волконскому, были квалифицированы по 27-й статье Артикула — умышленное неисполнение приказа «начальника своего». Названная статья предусматривала единственную санкцию — смертную казнь¹⁰⁵.

Впрочем, шанс сохранить жизнь у Михаила Ивановича оставался. Петр I имел обыкновение смягчать приговоры лицам, имевшим боевые заслуги. Тем более когда осужденным являлся трижды раненный старший офицер гвардии. По всей очевидности, Михаил Волконский надеялся именно на такой исход дела: он не мог не помнить о сравнительно недавнем помиловании преображенца Никиты Ржевского.

В этот раз, однако, смягчения приговора не последовало. Вместо этого 8 декабря 1717 года царь собственноручно написал указ о публичном объявлении о предстоящей казни «бывшего маёра Волхонского». 9 декабря в царском «Юрнале» появилась лаконичная запись: «Была кара князь Михаилу Волконскому»¹⁰⁶.

Согласно дипломатическому донесению осведомленного французского посланника Анри де Лави (Henri Lavie), «князь Волконский был казнен в прошлый понедельник... Тело его было выставлено в продолжение суток»¹⁰⁷.

Из приведенных свидетельств неясно, однако, в какой именно форме был казнен М. И. Волконский. Да и в челобитной матери Михаила Ивановича, княгини Дарьи Ивановны, от января 1718 года было упомянуто лишь о том, что «по содержанному криксрехту и по Военному... артикулу... учинена сыну моему смерть»¹⁰⁸.

Единственное упоминание о форме казни Михаила Ивановича удалось выявить в документе, составленном десятилетие спустя. В челобитной, поданной в июле

1728 года, бывший устюжский комиссар Семен Акишев между иного упомянул о судьбе своего следователя: «И по изследовании о нем в Санкт-Питербурхе в [1]717 году кажен смертию, розстрелян»¹⁰⁹.

Расстрел являлся принципиально новой для тогдашней России формой смертной казни, впервые нормативно закрепленной в статьях 6, 36, 41 и 46-й Артикула воинского*, а потому применявшейся исключительно к военнослужащим. Каких-либо известий о процедуре исполнения этой формы казни в первой четверти XVIII века встретить к настоящему времени не удалось. Процедуру расстрела представилось возможным реконструировать по немецкой гравюре, содержащей аллегорическое изображение военной юстиции (*Iustitia militaris*). Гравюра эта помещена перед титульным листом в публикации актов военного законодательства и комментариев к ним, вышедшей в свет в 1657 году во Франкфурте-на-Майне¹¹⁰.

В средней части гравюры изображена сцена расстрела: осужденный стоит, привязанный к столбу, а расстрельная команда находится очень близко от него, готовясь дать залп почти в упор. Принимая во внимание отсутствие на тогдашних ружьях каких-либо прицельных приспособлений, подобное расположение команды вполне объяснимо.

Таким образом, учитывая топографию столичной Троицкой площади в 1710-е годы и публичность казни, можно предположить, что князь Михаил Иванович встретил смерть, будучи привязан к столбу, врытому у края площади, обращенной к Неве. Напротив того места, где за 12 лет до того капитан Михаил Волконский во главе абордажной партии атаковал «Гедан» и «Астрильд». Несмотря на то что в тот день, согласно «Юрналу» А. Д. Меншикова, был «ветр великой с метелицею»¹¹¹, осужденного вывели на казнь, вероятнее всего, без верхней одежды, в одном мундире. Поскольку знаков различия в тогдашней российской армии еще не было, погон с разжалованного Михаила Ивановича не срывали и каких-либо нарукавных нашивок не спарывали. Приговор привели в исполнение 5—6 гвардейских солдат, выстроенных в шеренгу в нескольких метрах от осужденного.

Согласно упоминавшемуся донесению А. де Лави, Петр I «на следующее утро... пошел на площадь, где, по обычаю,

* Во всех этих статьях использовался термин «аркебузировать», который являлся калькой с немецкого *arkebusieren*. В статье 46-й термин этот пояснялся: «аркебузировать (розстрелять)».

лежало тело покойного спиной вверх. Он собственноручно обернул его... и приказал похоронить»¹¹². Как явствует из цитированных строк, после казни тело М. И. Волконского было отвязано от столба и положено на землю.

Между тем 9 декабря был издан именной указ об учреждении шести новых следственных канцелярий, руководителю каждой из которых царь вручил собственноручно подписанный Наказ — первый нормативный акт, в котором закреплялось выделение стадии предварительного расследования в российском уголовном процессе. В единственной уголовно-правовой норме, внесенной в Наказ, определялась ответственность следователей канцелярии за совершенные при осуществлении расследования преступления против интересов службы. За это следователям грозила единственная санкция — смертная казнь.

Как было указано во вступительной части Наказа, «ежели ж какая мана*, взятки или иная правды лишенная причина сыщется, то без всякой пощады лишены будете живота и чести (ибо пример видите бывшего маеора Волконского)»¹¹³. «Пример бывшего маеора Волконского» следователи новоявленных канцелярий (почти все из которых являлись офицерами гвардии) могли, впрочем, «видеть» в прямом смысле слова.

Учитывая особенности характера Петра I, имеются все основания полагать, что те самые офицеры, из которых был образован кригсрехт, осудивший Михаила Волконского, были затем назначены руководителями («презусами») и ассессорами следственных канцелярий. И списки Наказа будущий император вручил «господам штап- и обор-афицерам» либо непосредственно на месте расстрела Михаила Волконского на Троицкой площади, либо в первые часы после него.

Таким образом, казнь первого следователя России носила в значительной мере показательный, демонстративно устрашающий характер. Вместе с тем нельзя не отметить, что расстрел в XVIII — начале XX века являлся наиболее «почетной» для военнослужащего формой смертной казни¹¹⁴. Учитывая, что в статье 27-й Артикула воинского редакции 1715 года форма смертной казни не конкретизировалась, назначение князю Михаилу Волконскому в качестве санкции именно расстрела можно трактовать как меру (хотя и чисто символическую) в пользу осужденного.

* Пристрастие.

Представляется, что казнь Михаила Волконского была адресована в качестве устрашающей меры не только будущим презусам и ассессорам следственных канцелярий, основанных 9 декабря 1717 года. Дело в том, что менее недели спустя, 15 декабря, Петр I собственноручно начертил крайне важный документ — указ о назначении руководителей коллегий¹¹⁵, принципиально новых органов центрального управления России.

Согласно указу президентом Военной коллегии определялся давний покровитель Михаила Волконского А. Д. Меншиков, в повседневном «Юрнале» которого казнь Михаила Волконского оказалась почему-то не упомянута ни словом, хотя Александр Данилович никак не мог на ней не присутствовать.

А ведь, как уже отмечалось, составитель «Юрнала» описал даже погоду, которая была в столице 9 декабря. Не захотел почему-то Александр Меншиков иметь в своем «Юрнале» запись о казни «бывшаго маеора Волконского».

Зато история с М. И. Волконским неожиданно всплыла пять лет спустя, когда 31 октября 1722 года на заседании Правительствующего сената разгорелась нешуточная перепалка между светлейшим князем Александром Даниловичем и бароном Петром Шафировым. Как явствует из сохранившегося в архиве протокола заседания, Петр Павлович выкрикнул тогда в адрес А. Д. Меншикова весьма примечательную фразу: «Я... за тебя, как Волконской и князь Матвей Гагарин, петли на голову не положу!»¹¹⁶ И хотя Михаила Волконского (в отличие от М. П. Гагарина) не повесили, аллегорический смысл сказанного от этого не меняется.

Насколько удалось установить, следующая казнь гвардейского офицера состоялась в Российской империи лишь 14 лет спустя после событий 9 декабря. В 1734 году был обезглавлен бывший однополчанин М. И. Волконского отставной капитан Ульян Шишкин. Правда, состав преступления был совсем иным. Ульян Андреевич (страдавший, не исключено, помрачением рассудка) усомнился в легальности пребывания на престоле императрицы Анны Иоанновны, прилюдно заявив, что ее «изобрали, погреша в том пред богом» и что «ныне императрица Елисавет*» (!)¹¹⁷.

* То есть Елизавета Петровна, младшая дочь покойного Петра I, являвшаяся на тот момент цесаревной (на престол вступила в ноябре 1741 года).

Что остается добавить в заключение? Думается все же, что Петр I испытывал впоследствии некое сокрушение в связи с решением не сохранять жизнь заслуженному боевому офицеру князю М. И. Волконскому. И об этом свидетельствует не только приход государя на следующий день к телу казненного. 11 марта 1718 года Петр I указал вернуть матери и вдове Михаила Ивановича часть его конфискованной земельной недвижимости. С примечательной оговоркой: «Другим не в образец»¹¹⁸.

Место погребения Михаила Волконского неизвестно.

**«ДАБЫ ВОЗМОГ, ПОКА НЕ ПРИДУ
В СТАРОСТЬ И ДРЯХЛОСТЬ, ВАШЕМУ
ВЕЛИЧЕСТВУ МОИ... УСЛУГИ ПОКАЗАТЬ»:
КНЯЗЬ В. В. ДОЛГОРУКОВ**

Князя Василия Владимировича Долгорукова затруднительно отнести к числу вовсе забытых государственных деятелей России XVIII века. Многим сегодня памятны боевые заслуги князя, неординарность его биографии. Достаточно только сказать, что в высший воинский чин генерал-фельдмаршала Василию Долгорукову довелось быть произведенным дважды.

Вместе с тем нельзя не отметить, что основные сведения о жизненном пути князя Василия Владимировича, бытующие ныне в читательском обороте, восходят к сочинениям Д. Н. Бантыш-Каменского и князя П. В. Долгорукова, опубликованным соответственно 204 (!) года и 177 лет назад¹¹⁹. При всей просвещенности и осведомленности упомянутых авторов, сочинения их имеют ныне, мягко говоря, ограниченное научное значение.

Василий Долгоруков был выходцем из старинного княжеского рода, восходившего (в младшей ветви) к оболенскому удельному князю Андрею Константиновичу. В XVII веке Долгоруковы являлись одним из влиятельнейших кланов в правящей элите Московского царства. Моущество фамилии сохранилось и в дальнейшем.

По заслуживающим доверия подсчетам историка рода, только на протяжении 1700—1839 годов десятеро Долгоруковых стали сенаторами, один — министром юстиции и генерал-прокурором, один — генерал-фельдмаршалом, четверо — генерал-аншефами, семеро — кавалерами ордена Святого Андрея Первозванного (высшей награды Россий-

ской империи)¹²⁰. За тот же период семеро князей Долгоруковых погибли в войнах*.

Согласно надгробной надписи, Василий Долгоруков появился на свет в 1667 году¹²¹ в семье видного администратора и военачальника, боярина В. Д. Долгорукова, скончавшегося в июле 1701 года в Москве. Поскольку боярин Владимир Дмитриевич был женат трижды, семья была многодетной. Князь Василий Владимирович имел по меньшей мере трех братьев — Юрия, Михаила и Владимира и трех сестер — Феодосью, Ксению и Марью¹²².

Примечательно, что матерью князя В. Д. Долгорукова и, соответственно, бабушкой Василия Долгорукова являлась Ирина Ильинична Милославская, скончавшаяся в 1645 году, родная сестра первой супруги царя Алексея Михайловича царевны Марии Ильиничны¹²³. Тем самым по женской линии Василий Владимирович приходился двоюродным племянником царю Ивану V Алексеевичу, соправителю Петра I в 1682—1696 годах. Для тех времен это была вполне близкая родственная связь.

Первые 33 года жизни будущего генерал-фельдмаршала освещены в исторических источниках, введенных на сегодня в научный оборот, крайне скудно. Достоверно установлено, правда, что в 1685 году В. В. Долгоруков был произведен в «московский» чин стольника¹²⁴.

Из тогдашних служб князя Василия Владимировича известно, что 30 июня 1688 года он вместе со старшим братом участвовал в качестве рынды (царского телохранителя) в дипломатической церемонии. Как было отмечено в придворной хронике, «при великих же государех были рынды и стояли около их государского места** с мечи, в бархатных же кафтанах столники: князь Юрья, князь Василей княж Володимеровы дети Долгорукие»¹²⁵. 30 января 1696 года В. В. Долгоруков был упомянут в числе стольников, несших дежурство у гроба усопшего царя Ивана Алексеевича¹²⁶.

Документально установлено также, что Василий Долгоруков не попал в январе 1697 года в число стольников (почти все из которых состояли на военной службе), направленных в образовательную поездку в Западную Европу¹²⁷. В России же В. В. Долгоруков прошел явно недостаточное

* Последним из павших в боях в отмеченный период был гвардии корнет князь Н. Н. Долгоруков, погибший в ходе войсковой операции в Дагестане в 1837 году.

** То есть около трона.

обучение. Судя по сохранившимся автографам князя, он не умел связно писать, с трудом выводил буквы черточками.

Впрочем, неграмотность была, похоже, семейной особенностью братьев Долгоруковых. Из архивных источников со всей очевидностью явствует, что грамотой не владел и младший брат Василия Долгорукова, князь Михаил Владимирович (1669 года рождения), занимавший в первой четверти XVIII века высокие должности на государственной гражданской службе.

Например, как было отмечено в протоколе заседания Правительствующего сената 5 февраля 1724 года, назначенный сибирским губернатором М. В. Долгоруков обратился к сенаторам с просьбой направить с ним сына «для подписки дел», поскольку сам он «грамоте не умеет»¹²⁸. Как-то совсем не озаботился боярин князь Василий Дмитриевич обучением сыновей...

Что касается частной жизни князя Василия Владимировича, то известно, что он состоял по меньшей мере в трех браках. Первой его женой была княгиня Мария Федоровна, дочь боярина Ф. Ф. Куракина¹²⁹, второй — Анна Ивановна, дочь некоего стольника И. И. Злобина¹³⁰, третьей — Анна Петровна, урожденная Шереметева, скончавшаяся в июле 1720 года в возрасте тридцати лет¹³¹. Сведений о детях Василия Владимировича от этих жен выявить не удалось.

Наиболее значительным пробелом в ранней биографии В. В. Долгорукова следует признать вопрос о времени начала его военной карьеры. Согласно сведениям, извлеченным из архива гвардии Преображенского полка, Василий Владимирович стал офицером полка в 1700 году, будучи произведен «из полковых сержантов»¹³². В свою очередь, в другом полковом документе 1700 год указан и как дата производства В. В. Долгорукова в первый офицерский чин, и как дата начала его службы в гвардии, и как дата начала его военной службы вообще¹³³.

Вместе с тем некий «князь Василий Долгоруков» упоминается в документах другого гвардейского полка — Семеновского. Согласно этим документам, в 1695 году при переформировании Семеновской потешной роты в гвардейский полк Василий Долгоруков перешел туда с чином прапорщика. После взятия в июле 1696 года турецкой крепости Азов он был произведен в поручики¹³⁴.

Отмеченные противоречия в документах на сегодня представляются необъяснимыми. Не исключено, что в Семеновском полку начинал службу тот «князь Василей

Долгоруков», который в чине гвардии капитана состоял (по крайней мере в 1707—1713 годах) командиром 5-й роты Преображенского полка¹³⁵. Какие-либо биографические подробности об этом тезке В. В. Долгорукова выявить к настоящему времени не удалось.

Однако, как бы ни сложились обстоятельства поступления князя Василия Владимировича на военную службу, первый его карьерный взлет оказался связан именно с Преображенским полком. Из эпизодов тогдашней служебно-боевой деятельности В. В. Долгорукова достоверно известно, в частности, что во время уже описанного на страницах этой книги многочасового штурма шведской крепости Нотебург 11 октября 1702 года он был в числе нескольких гвардейских офицеров, которые добровольно вызвались присоединиться к атакующей колонне. 28 августа 1705 года при штурме замка в городе Митаве* гвардии майор Василий Долгоруков получил ранение в руку (на ней были, как свидетельствует документ, «отбиты» два пальца)¹³⁶.

Какие события способствовали сложившемуся к концу 1700-х годов возвышению князя Василия Владимировича, его вхождению в ближайшее окружение Петра I, сегодня остается только гадать. По свидетельству осведомленнейшего Бориса Куракина, В. В. Долгоруков «нашел свою фортуна», когда в летнюю кампанию 1706 года с батальоном Преображенского полка сопровождал царя на театр военных действий в Литву¹³⁷. В чем именно состояла эта «фортуна», князь Борис Иванович, впрочем, не пояснил.

Что бы там ни было, первой значительной военной операцией, проведением которой руководил Василий Владимирович, стало подавление казачьего восстания под руководством атамана Кондратия Булавина, разгоревшегося на Дону, в глубоком тылу российских войск осенью 1707 года. Это назначение В. В. Долгорукова было отнюдь не случайным.

Дело в том, что первоначально на Дон для проведения кампании по сыску дезертиров, а также беглых крестьян и работных людей, во множестве оседавших в тамошних благодатных местах, была направлена небольшая войсковая экспедиция под командованием майора Преображенского полка Ю. В. Долгорукова, старшего брата Василия Владимировича. В ночь на 9 октября 1707 года большой

* Ныне Ёлгава (Jelgava), город республиканского подчинения Латвийской Республики.

отряд восставших совершил нападение («наехав воровские люди многим собранием») на станицу Шульгинскую* на реке Айдар, где тогда почти без охраны квартировал майор Юрий Долгоруков. В ходе скоротечного боя князь Юрий Владимирович и сопровождавшие его казаки и гвардейцы были убиты, а тела их сброшены в волчью яму¹³⁸.

Будучи отозван с фронта в апреле 1708 года, гвардии майор В. В. Долгоруков получил под командование внушительную группировку общей численностью свыше тридцати двух тысяч штыков и сабель. Итог действий группировки был сформулирован в официальной «Гистории Свейской войны», составлявшейся в первой половине 1720-х годов: «И тако к осени [1708 года] весьма тот бунт искоренен»¹³⁹. Угроза стратегически важному тыловому району была устранена.

Петр I высоко оценил личное мужество и командные способности Василия Долгорукова. 9 декабря 1709 года он был произведен в подполковники гвардии¹⁴⁰ и стал командиром Преображенского полка. По авторитетному суждению известного военного историка и военного юриста сенатора генерал-лейтенанта П. О. Бобровского, почти девятилетнее командование Василия Долгорукова составило «одну из наиболее блестящих страниц» истории Преображенского полка¹⁴¹.

Кроме того, 14 октября 1711 года царь пожаловал князя Василия Владимировича в кавалеры ордена Святого Андрея Первозванного¹⁴². Даты параллельного производства В. В. Долгорукова в «полевые» генерал-майоры, а затем в генерал-лейтенанты установить к настоящему времени не удалось.

Между тем в мае 1710 года князь Василий Владимирович едва не погиб, прибыв с гвардейскими батальонами на осаду Выборга. Правда, не от вражеской пули или осколка, а в результате несчастного случая. Как в письме от 29 мая известил царя командующий российской группировкой генерал-адмирал Ф. М. Апраксин, когда Василий Долгоруков объезжал верхом осадные сооружения, его лошадь куда-то провалилась и гвардии подполковник «расшиб ногу гораздо больно». «Благодарим бога, что не переломил», — завершил письмо командующий¹⁴³.

* Ныне село Шульгинка в Старобельском районе Луганской области Украины.

Однако исполнение строевых обязанностей отнюдь не исчерпывало круг занятий В. В. Долгорукова в 1710-е годы. Он оказался одним из первых гвардейских офицеров, кого царь привлек к следственной деятельности.

В 1714 году Василий Долгоруков возглавил особую следственную канцелярию, учрежденную второй по счету после следственной канцелярии гвардии майора М. И. Волконского. В правительственном делопроизводстве новая канцелярия получила громоздкое наименование «Канцелярия ведения генерала, кавалера и от гвардии подполковника его сиятельства князя Василия Володимеровича Долгорукова». При всем том, что основная часть документации канцелярии оказалась с годами утрачена, составить некоторое представление о ее деятельности все же представилось возможным.

Крупнейшими уголовными делами, которые поступили в производство канцелярии В. В. Долгорукова, явились «подрядное дело» («подрядная афера») и «счетное дело» генерал-фельдмаршала, светлейшего князя А. Д. Меншикова. Вскрытый в ходе расследования механизм аферы не отличался сложностью. Как было установлено, группа высших должностных лиц, включая Александра Меншикова и сенаторов В. А. Апухтина и Г. И. Волконского, установив изрядно завышенные подрядные цены на поставку в Санкт-Петербург и армию провианта и фуража, сама и осуществляла (разумеется, через подставных лиц) эти поставки. Колоссальные переплаты казенных сумм шли в карманы предприимчивым соратникам царя-реформатора.

Растревоженный полученной следствием информацией, Петр I взял разбирательство дела под личный контроль. Под государевым приглядом следствие быстро набрало обороты. Вращавшийся в правительственных кругах современник так описывал настроения среди «птенцов гнезда Петрова» на исходе 1714 года: «Светлейший князь [А. Д. Меншиков] в великой конфузии, и все в самом печальном образе, понеже царское величество зело прилежно сие дело [подрядное] сам розыскивает и не токмо сие, но и всякая дела сам обещается, пересмотреть и нанизать как за большое, так и за малое равно, о чем все трясутся...»¹⁴⁴

«Трястись» действительно было от чего. Разгневанный вскрывшимися эпизодами фальшивых подрядов царь санкционировал попытки высокопоставленных подследственных и, более того, принял в соответствующих допросах личное участие. На дыбу попали и ближайший помощник А. Д. Меншикова санкт-петербургский вице-

губернатор Я. Н. Римский-Корсаков, и фактотум (доверенное лицо) светлейшего князя сенатор князь Г. И. Волконский.

В частности, как было бесстрастно зафиксировано в записи походного «Юрнала» Петра I от 27 ноября 1714 года, «его величество был на Конюшенном дворе. Подымали [на дыбу] Волхонского князь Григорья и Якова Корсакова»¹⁴⁵.

Итог расследования В. В. Долгорукова вышел для прощтрафившихся «господ вышних командиров» драматичным. Вот как в том же царском «Юрнале» была описана состоявшаяся 6 апреля 1715 года на Троицкой площади города Санкт-Петербурга публичная «эксекуция»: «И приведши их на площадь, где положена была плаха и топор, объявлен указ: сенаторам двум, Волконскому и Апухтину за вины их (что они, преступая присягу*, подражались сами чюжими именами под правиант и брали дорогую цену, и тем народу приключали тягость) указано их казнить смертью, однако от смерти освобождены, толко за лживую их присягу обожжены у них языки**», и имение их все взято на государя»¹⁴⁶.

Бывшего вице-губернатора Я. Н. Римского-Корсакова тогда же наказали кнутом. Остальные фигуранты дела отделались денежными штрафами в полторакратном размере полученной криминальной прибыли.

Что касается «счетного дела» о финансовых махинациях А. Д. Меншикова, то здесь достаточно сказать, что предварительный денежный начет, предъявленный следственной канцелярией В. В. Долгорукова светлейшему князю, составил астрономическую по тем временам сумму в 1 миллион 238 тысяч рублей¹⁴⁷.

Кроме того, в производстве канцелярии находилось возбужденное в 1714 году московским фискалом Михаилом Косым дело по обвинению комиссара П. И. Власова и дьяка П. К. Скурихина во взятках и хищениях казенных средств

* Речь идет о нарушении присяги на верность государственной гражданской службе, собственноручно написанной Петром I и утвержденной 2 марта 1711 года. Первоначально эту присягу приносили лишь руководящие должностные лица — сенаторы и главы губернских администраций.

** Г. И. Волконскому и В. А. Апухтину было вменено в вину, по всей очевидности, нарушение статьи 2-й упомянутой выше присяги — обязательства хранить «правду... в деле государственном». В дальнейшем, насколько известно авторам, такая санкция, как прижигание языка, в отечественной правоприменительной практике более не применялась.

на внушительную сумму в 140 665 рублей (об этом деле еще пойдет речь), а также ряд менее значительных дел, главным образом по преступлениям против интересов службы.

К расследованиям уголовных дел, осуществлявшихся канцелярией В. В. Долгорукова, привлекались (по всей вероятности, эпизодически) и другие офицеры гвардии. Так, из опубликованного архивного документа известно, что в 1714 году в рамках следствия по делу упомянутого сенатора Василия Апухтина в Москву прибыл гвардии капитан князь Г. А. Урусов (о нем также еще будет рассказано).

Гвардеец провел обыск в доме сенатора, опечатал его имущество, а заодно оповестил население бывшей столицы о возможности подавать жалобы на злоупотребления Василия Алексеевича. Согласно формулировке документа, «прибивал... письма к градским воротам и к его двору, чтоб приходили все и сказывали, кому какая обиды или интересу великаго государя что противное учинил»¹⁴⁸.

Вскрытие «подрядной аферы» и многих иных должностных злоупотреблений обусловило необходимость принять новые законодательные акты, направленные на предупреждение соответствующих преступлений. Как представляется, именно с деятельностью следственной канцелярии князя Василия Владимировича, а также фискальской службы России было связано издание в 1714—1715 годах целого пакета законодательных актов.

Здесь необходимо в первую очередь вспомнить законы от 24 декабря 1714 года «О воспрещении взяток и посулов и о наказании за оное»¹⁴⁹ и от 27 декабря того же года «Об обязанности подрядчиков объявлять Правительствующему Сенату какие они подряды имеют или имели с казенными местами на поставку провианта и всяких прочих товаров и припасов»¹⁵⁰. В свою очередь, согласно закону от 25 января 1715 года в перечень преступлений, о подготовке или совершении которых дозволялось сообщать непосредственно главе государства, был добавлен «третий пункт» — «о похищении казны» (первые два «пункта» касались государственных преступлений)¹⁵¹.

Наконец, видится неоспоримым, что именно в связи с итогами расследования «подрядного дела» законом от 15 марта 1715 года была учреждена Подрядная канцелярия (Канцелярия подрядных дел)¹⁵², которой предстояло отныне утверждать все заключаемые с казной подряды. Главой канцелярии был определен гвардии капитан Г. И. Кошелев (о нем еще будет рассказано). Учитывая, что Герасим

Кошелев занимал прежде должность командира 3-й роты Преображенского полка¹⁵³, его, по всей видимости, рекомендовал царю В. В. Долгоруков.

Следственная деятельность Василия Долгорукова продолжилась до начала 1716 года, когда в составе небольшой группы сановников он отправился сопровождать Петра I в длительной зарубежной поездке. В связи с отъездом Василия Владимировича руководство его следственной канцелярией именным указом от 13 марта 1716 года было возложено на Г. И. Кошелева совместно с дьяком Ф. Д. Вороновым¹⁵⁴, ближайшим сотрудником князя, работавшим в канцелярии с 1715 года.

Поскольку Федор Воронов играл к тому времени ключевую роль в расследовании «счетного дела» «полудержавного властелина» А. Д. Меншикова, оставшегося в России в качестве фактического главы правительства и «хозяина» Санкт-Петербурга, указ от 13 марта заканчивался строкой не вполне ординарного содержания. Адресованная Герасиму Кошелеву строка эта была, по всей очевидности, подсказана Петру I Василием Владимировичем, и гласила она следующее: «Також и ево, дьяка Воронова, в обиду никому не давай»¹⁵⁵.

Помимо этого, В. В. Долгоруков считал необходимым поддерживать своего сотрудника и неофициально. В сугубо доверительном письме младшему брату, сенатору Михаилу Долгорукову, от 23 марта 1716 года князь Василий Владимирович особо подчеркнул: «И Воронову скажи, чтоб он никою не боялся, лишь бы имел совесть чистую»¹⁵⁶.

Как известно, по возвращении в Россию Петр I решил осуществить реорганизацию органов следствия. Считая деятельность следственных канцелярий, функционировавших на тот момент, успешной (в наибольшей мере канцелярии В. В. Долгорукова), царь принял решение создать целую систему подобных органов. 11 ноября 1717 года Василий Долгоруков направил временно командовавшему полками гвардии князю П. М. Голицыну письмо с изложением высочайшего распоряжения об откомандировании в Санкт-Петербург шестнадцати офицеров Преображенского и Семеновского полков¹⁵⁷. Не прошло и месяца, как все вызванные лица получили назначения на руководящие должности в шести «майорских» следственных канцеляриях, учрежденных 9 декабря 1717 года.

К этому времени князь Василий Владимирович находился на пике своего могущества. Как явствует из опубли-

кованного архивного документа, в ноябре 1717 года при генерал-лейтенанте и гвардии подполковнике В. В. Долгорукове состояли генерал-адъютант (!), два офицера-порученца, лекарь, трое писарей, шесть (!) денщиков* и трое извозчиков¹⁵⁸.

А 6 декабря 1717 года в письме генерал-аншефу А. И. Репнину из Санкт-Петербурга князь (не без доли кокетства) сетовал: «...немалые суеты меня трудят: первое в положенных на меня розыскных делах, другое — от обеих полков гвардии отправляю по некоторой части людей в Москву. А болши суетно, что его ц[арское] в[еличество] и государыня царица отселя отправляютца... в Москву, а меня здесь назначили оставить для здешних дел»¹⁵⁹. Из последних слов письма возможно понять, что В. В. Долгоруков имел основания ожидать какого-то высокого назначения в столице.

Но очень скоро ситуация начала меняться не в лучшую для князя Василия Владимировича сторону. Для начала он не получил никакой должности в Военной коллегии, указ об учреждении которой состоялся 15 декабря 1717 года. Затем для его канцелярии не нашлось места в новой системе органов следствия.

И хотя формального указа о ликвидации следственной канцелярии В. В. Долгорукова издано не было, такая ликвидация произошла по существу. Г. И. Кошелев и Ф. Д. Воронов возглавили теперь собственную канцелярию. Уголовные дела, находившиеся в производстве канцелярии Василия Долгорукова, оказались переданы в производство новых канцелярий (например, «счетное дело» А. Д. Меншикова — в канцелярию ведения гвардии подполковника Петра Голицына).

С чем именно было связано решение Петра I отстранить Василия Долгорукова от следственной деятельности, остается загадкой. Не исключено, что к тому времени царь получил от фискальской службы какие-то материалы о взяточничестве Василия Владимировича. По крайней мере, в пространном письме секретарю Петра I А. В. Макарову от 24 января 1718 года В. В. Долгоруков сначала вспомнил об опасениях, высказанных им царю при назначении к следственным делам, что «будут меня все вредить», а затем взялся оправдываться, что «хотя б меня кто чем и подарил», но

* Уместно заметить, что в описываемые времена денщики выполняли также функции личной охраны.

это вовсе не повлекло за собой «повреждения интересу государственному»¹⁶⁰.

Между тем в итоге роковой удар подстерег Василия Владимировича совсем с другой стороны. В. В. Долгоруков заодно со своим недавним ближайшим сотрудником Федором Вороновым попали в число обвиняемых по делу царевича Алексея Петровича¹⁶¹.

Распоряжение о взятии под стражу находившегося в столице гвардии подполковника Василия Долгорукова Петр I отдал в Москве 16 февраля 1718 года. Учитывая служебное положение подозреваемого, арест был произведен 20 февраля 1718 года самим генерал-фельдмаршалом А. Д. Меншиковым¹⁶², вчерашним подследственным князя Василия Владимировича, который затем лично доставил арестованного в Петропавловскую крепость¹⁶³.

Ознакомление с благополучно сохранившимся в архиве судебным делом В. В. Долгорукова 1718 года¹⁶⁴ оставляет более чем двойственное впечатление. С одной стороны, некоторая вина Василия Долгорукова очевидна: как вполне убедительно установило следствие, он имел неосторожность несколько раз высказать сочувствие опальному царевичу Алексею Петровичу. С другой стороны, в материалах дела фигурирует откровенно сомнительное свидетельское показание о весьма резком высказывании князя в адрес царя. Это показание В. В. Долгоруков отрицал («таких слов... не говаривал»)¹⁶⁵.

В конечном счете все зависело от того, каким образом материалы дела будут доложены Петру I. Учитывая, однако, что следствие по делу царевича возглавлял тайный советник Петр Толстой, действовавший в тесном союзе с А. Д. Меншиковым, участь Василия Долгорукова была предreshена. 14 марта 1718 года специальное судебное присутствие приговорило В. В. Долгорукова «за дерзновенные ево слова» к лишению чинов, полной конфискации имущества и ссылке¹⁶⁶.

5 июля 1718 года местом ссылки Василия Владимировича Петр I определил город Соликамск, особо оговорив, чтобы «жить ему тамо как и протчие ссыльные»¹⁶⁷. Опаснейший конкурент Александра Меншикова и Петра Толстого в царском окружении был бесповоротно устранен.

Что же касается слишком продвинувшегося в расследовании «счетного дела» светлейшего князя дьяка Ф. Д. Воронова, то ему были предъявлены откровенно фальсифицированные обвинения в пособничестве Алексею Петровичу.

Крайне болезненно воспринимавший все эпизоды дела царевича, Петр I не вспомнил о своем предписании двухлетней давности не давать «в обиду» дьяка-следователя.

28 июля 1718 года подвергшийся жесточайшим пыткам Федор Воронов был приговорен к смертной казни¹⁶⁸. 8 декабря 1718 года Федор Дмитриевич был обезглавлен в Санкт-Петербурге «близ Гостиного двора у Троицы, на въезде в Дворянскую слободу». Голова казненного дьяка была насажена на металлическую спицу на специально выстроенном каменном столбе, а тело положено на колесо¹⁶⁹.

Своеобразным эпилогом уголовного дела В. В. Долгорукова явилось обращение в июне 1718 года в Тайную канцелярию некоей Софьи Ивановны Мейер (Меэр). Просительница утверждала, что на протяжении четырех лет состояла в интимной связи с Василием Долгоруковым («возверзил на меня... князь Василей Володимирович... любовь свою»), а в данный момент беременна от него. В связи с этим Софья Ивановна просила выплатить ей деньги из конфискованного имущества князя «утробному младенцу на содержание и пропитание».

Насколько возможно понять из материалов дела, в качестве «метресы» Василия Долгорукова С. Мейер была известна самому главе государства, и вопрос был решен на редкость оперативно. Уже 12 августа 1718 года Тайная канцелярия распорядилась выдать «Софье Меэрше» вполне приличную сумму — 100 рублей¹⁷⁰.

В ссылке В. В. Долгоруков пробыл более пяти лет. Весной 1724 года, воспользовавшись поводом — предстоящей коронацией императрицы Екатерины Алексеевны, Михаил Долгоруков подал главе государства челобитную (на которой даже сумел, с грехом пополам, расписаться) с просьбой помиловать старшего брата. 7 мая, в день коронации, государь собственноручно пометил на нижнем поле челобитной: «Свободить из [с]сылки»¹⁷¹.

Возвратившись в столицу, князь Василий Владимирович оказался в явственно бедственном положении. Все имущество было конфисковано. На службу его никто не возвращал.

Собравшись с силами, В. В. Долгоруков обратился к императору Петру Великому с челобитной. Выразив признательность, что государь «изволил мне все милостивейшее пожаловать* шпагу»¹⁷², 57-летний князь попросил

* Строго говоря, вернуть.

какого-либо чина и должности. Свое обращение Василий Владимирович заключил проникновенными строками: «Всенижайшее прошу... сотворить надо мною... божескую милость, како всевышний помиловал первородного человека, дабы возмог, пока не приду в старость и дряхлость, вашему императорскому величеству мои всенижайшие услуги показать». Собственноручная императорская резолюция, наложенная 23 декабря 1724 года, была по обыкновению краткой: «Даетца чин полковничей»¹⁷³.

Впрочем, не дремали и могущественные противники Василия Долгорукова в петербургских коридорах власти. Уже 24 декабря, на следующий день после возвращения В. В. Долгорукову чина, был издан сенатский указ, по которому князь получил и ожидавшееся им назначение, которое, правда, вряд ли его воодушевило, поскольку определялся он обер-комендантом в Уфу¹⁷⁴. Такой вот раздался «звонок» от заседавших в Правительствующем сенате светлейшего князя Александра Меншикова и новоявленного графа Петра Толстого.

Как бы то ни было, но отправиться в башкирскую глухомань князь Василий Владимирович не успел, поскольку всего месяц спустя ушел из жизни первый российский император. Пришедшая к власти новая императрица Екатерина I, благоволившая князю, не стала более притеснять вчерашнего ссыльного.

Не случайно уже на состоявшейся 10 февраля 1725 года в Санкт-Петербурге грандиозной церемонии погребения Петра Великого полковник В. В. Долгоруков выступил отнюдь не в качестве статиста. В числе группы старших офицеров флота и гвардии Василий Владимирович нес балдахин над гробом усопшего императора¹⁷⁵.

13 февраля 1726 года императрица произвела Василия Владимировича в генерал-аншефы¹⁷⁶ (миновав три (!) ступени воинских «рангов»). Правда, сразу вслед за этим Василию Долгорукову пришлось вновь покинуть столицу. Уже 14 февраля государыня назначила его командующим Низовым корпусом — группировкой российских войск, дислоцированной в отвоеванных у Персии в 1722 году прикаспийских провинциях.

Обосновавшись на самом краю империи, в городе Решт* на южном побережье Каспийского моря, В. В. Долгоруков

* Ныне административный центр провинции Гилян Исламской Республики Иран.

вполне успешно руководил группировкой. Заслуженный ветеран Великой Северной войны провел ряд удачных войсковых операций против горных племен, добился улучшения снабжения войск, ротации офицерских кадров, укрепил безопасность сухопутных коммуникаций¹⁷⁷.

Впрочем, пребывание в непривычном климате ухудшило состояние здоровья командующего. Как доносил Василий Владимирович в Верховный тайный совет в сентябре 1727 года, «от здешнего несносного, злого воздуха пришел в слабость здоровья своего... И зрение тупо: одним глазом, почитай, не вижу, а и другой худ»¹⁷⁸.

Впрочем, грянувшие весной — осенью 1727 года бурные политические события, падение давних недругов Василия Долгорукова П. А. Толстого и А. Д. Меншикова, а также последовавшее с воцарением императора Петра II усиление клана Долгоруковых не могло не сказаться на положении князя Василия Владимировича. Именным указом от 7 февраля 1728 года он был освобожден от командования Низовым корпусом и 30 марта отплыл из Баку в Астрахань.

24 февраля 1728 года Василий Владимирович был произведен в генерал-фельдмаршалы, а 20 декабря 1729 года возглавил новоучрежденную канцелярию «полковых дел» Преображенского и Семеновского полков¹⁷⁹. Иными словами, вновь стал фактическим командующим российской гвардией.

Приход к власти императрицы Анны Иоанновны, приведший к ликвидации Верховного тайного совета и опале нескольких родственников князя Василия Владимировича, первоначально никак не отразился на его карьере. Более того, 4 марта 1730 года он был назначен сенатором в обновленный состав Правительствующего сената.

Учитывая, что по родству (через упомянутую бабушку Ирину Ильиничну) Василий Долгоруков приходился Анне Иоанновне троюродным братом (!), подобное кадровое назначение являлось вполне мотивированным. Новая императрица ценила родственные связи.

Именным указом от 27 января 1731 года В. В. Долгоруков был определен командующим группировкой российских войск на Украине¹⁸⁰ (на место скончавшегося генерал-фельдмаршала М. М. Голицына). Но не прошло и года, как Василий Долгоруков вновь оказался в статусе подсудимого.

Поскольку документы о вторичном осуждении князя Василия Владимировича поныне не введены в научный

оборот, относительно этих событий остается только строить догадки. Вероятно, немолодой генерал-фельдмаршал преувеличил степень своего влияния на августейшую родственницу.

Как отмечалось в высочайшем Манифесте от 23 декабря 1731 года, князь Василий Владимирович, «презря... свою присяжную должность, дерзнул не токмо наши государству полезные учреждения непристойным образом толковать, но и собственную нашу императорскую персону поносительными словами оскорблять, в чем по следствию дела изобличен». За это В. В. Долгоруков был предан суду специального судебного присутствия, которое приговорило его к смертной казни, лишению чинов и конфискации имущества.

При утверждении приговора императрица заменила смертную казнь на ссылку в Шлиссельбург¹⁸¹ — тот самый бывший шведский Нотебург, на стены которого 29 лет назад шел приступом гвардии капитан Василий Долгоруков. Именным указом от 9 января 1737 года Василий Долгоруков был переведен в крепость Нарву¹⁸².

В ссылке, режим которой фактически совпадал с тюремным заключением, В. В. Долгоруков пробыл до произошедшего 25 ноября 1741 года государственного переворота, в результате которого к власти пришла младшая дочь Петра I цесаревна Елизавета Петровна, являвшаяся, согласно фамильному преданию, крестницей князя Василия Владимировича¹⁸³.

Уже 1 декабря 1741 года последовал именной указ об освобождении Василия Долгорукова и его младшего брата Михаила из ссылки и возвращении им прежних чинов (со старшинством со дня первоначального производства), а 3 декабря — об увольнении их со службы по возрасту¹⁸⁴. Впрочем, последний указ не был претворен в жизнь.

15 декабря 1741 года князь Василий Владимирович был определен президентом Военной коллегии и сенатором. А 24 мая 1742 года, в день коронации Елизаветы Петровны, повторно пожалован в кавалеры ордена Святого Андрея Первозванного¹⁸⁵.

Василий Долгоруков оказался одним из немногих следователей Петра Великого, о личностных качествах которого сохранились воспоминания современников. В частности, английский резидент при российском дворе К. Рондо (Claudius Rondeau) так охарактеризовал князя Василия Владимировича: «Человек рассудительный, приветливый и ла-

сковый... От природы он щедр, смел, откровенен, в разговорах и в речах своих свободен, даже до дерзости»¹⁸⁶.

Вполне сходным образом о В. В. Долгорукове отозвался первый посол Испании в России Яков Джеймс Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика (Jacobo Francisco Fitz James Stewart, Duque de Liria y Jérica): «Человек умный, храбрый, честный и довольно хорошо знавший военное искусство. Он не умел притворяться и часто доводил искренность до излишества; был отважен и очень тщеславен. Друг искренний, враг непримиримый. <...> Это такой русский вельможа, который более всех приносил чести своему Отечеству»¹⁸⁷.

Наконец, примечательный отзыв оставил о Василии Долгорукове один из его однородцев и биографов князь П. В. Долгоруков, отличавшийся не только обширными генеалогическими познаниями, но и редкостным злоязычием: «Князь Василий Владимирович... искупал недостаток образования некоторым природным умом и особенно безупречной честностью. Знатоки дела оспаривали его военный талант, но и самые яростные враги воздавали должное его смелости, которая была заметна даже в такой доблестной армии, как русская»¹⁸⁸. Таким остался Василий Долгоруков в памяти современников и потомков.

Президент Военной коллегии, генерал-фельдмаршал В. В. Долгоруков скончался 11 февраля 1746 года и был погребен в Санкт-Петербурге, в усыпальнице Благовещенской церкви Александро-Невской лавры¹⁸⁹ — первом каменном храме новой российской столицы. И хотя в 1932 году, уже после закрытия монастыря, усыпальница была включена в состав Музея-некрополя надгробной скульптуры, в ходе последующей варварской реконструкции захоронение князя Василия Владимировича было утрачено.

**«ВЕЛЕНО МНЕ... О ЕГО ЦАРСКОГО
ВЕЛИЧЕСТВА ИНТЕРЕСЕ СЛЕДОВАТЬ»:
И. Н. ПЛЕЩЕЕВ**

«Так как не проходит недели, чтобы на заводчика Никиту Демидова не приносили жалоб... Сенат повелевает дело то передать в Розыскную канцелярию и просить начальника оной, лейб-гвардии капитан-поручика Ивана Никифоровича Плещеева, учинить розыск»¹⁹⁰.

Эти строки из первой части исторического романа-трилогии русского советского писателя Е. А. Федорова

«Каменный пояс» отнюдь не являются художественным вымыслом. Дело в том, что известный предприниматель петровского времени Н. А. Демидов в самом деле состоял под следствием канцелярии, возглавлял которую именно гвардии капитан-поручик Иван Никифорович Плещеев.

И. Н. Плещеев был выходцем из старинного дворянского рода, основателем которого считался черниговский боярин Федор Бяконт, выехавший в 1330-е годы на службу к московскому князю Ивану Даниловичу. От одного из его сыновей — Александра, по прозвищу Плещей, — пошла фамилия Плещеевых¹⁹¹.

На протяжении веков род Плещеевых многократно ветвился. Достаточно сказать, что в 1613 году в избрании на царство основателя династии Романовых Михаила Федоровича принимали участие четверо Плещеевых¹⁹², а в состав «царедворцев» в XVII веке входили 85 (!) представителей рода¹⁹³.

Многолюдность фамилии привела к тому, что карьеры нескольких Плещеевых в первой половине XVIII века сложились отчасти сходно, что впоследствии создало путаницу при установлении обстоятельств их биографий. Современниками И. Н. Плещеева являлись, в частности, такие видные государственные и военные деятели, как Алексей Львович и Андрей Григорьевич Плещеевы, состоявшие друг с другом в весьма отдаленном родстве.

Относительно времени появления Ивана Плещеева на свет существуют два взаимопротиворечивых документальных свидетельства. Согласно надгробной надписи Иван Никифорович родился 1 мая 1676 года¹⁹⁴. В свою очередь, сам И. Н. Плещеев, явившись 20 декабря 1721 года на все-российский смотр дворян, указал себе от роду 47 полных лет¹⁹⁵ (то есть в этом случае годом его рождения следует полагать 1674-й).

Однако в каком бы году ни родился Иван Плещеев, о его детстве и юности почти нет сведений, кроме фрагментарных косвенных данных. Так, судя по тому, что еще в 1720-е годы в почерке Ивана Никифоровича сохранялись отчетливые элементы графики XVII века, можно сделать вывод, что грамоте он обучился в раннем возрасте.

В 1686 году И. Н. Плещеев был определен в стольники при дворе царицы Прасковьи Федоровны¹⁹⁶ (супруги соправителя Петра I царя Ивана V). Затем, как и многие

другие придворные, он оказался на фронтах Великой Северной войны.

Военную службу Иван Никифорович начал в 1700 году прапорщиком в гвардии Преображенском полку¹⁹⁷. В декабре 1706 года приказом Петра I был произведен в подпоручики и переведен из 11-й роты Преображенского полка в 7-ю¹⁹⁸. В составе именно этой роты подпоручик И. Н. Плещеев принял участие в уже упоминавшемся сражении с корпусом шведского генерала Адама Людвиг Лёвенгаупта при деревне Лесной 28 сентября 1708 года¹⁹⁹, в котором Преображенский полк понес самые значительные за всю Великую Северную войну боевые потери*.

Довелось Ивану Никифоровичу пройти дорогами и драматического Прутского похода. В июле 1711 года в отчаянных боях с турками в окружении близ урочища Рябая Могила у реки Прут Иван Плещеев получил ранение²⁰⁰, из-за которого затем долго лечился²⁰¹. 3 августа 1711 года, после выхода российской группировки из «прутского котла», Иван Никифорович был произведен в следующий чин капитан-поручика и переведен в 5-ю роту Преображенского полка²⁰².

Однако вскоре военная карьера И. Н. Плещеева завершилась. По всей вероятности, он так и не оправился до конца от последствий полученного на «турецкой акции» ранения и 4 мая 1714 года был отставлен «от полковой службы»²⁰³. Тем не менее Иван Никифорович остался в поле зрения главы государства.

Не позднее февраля 1715 года гвардии капитан-поручик Иван Плещеев был определен главой следственной канцелярии^{204**}. Подобные канцелярии (позднее получившие наименование «майорских») начали учреждаться Петром I с 1713 года во главе с лично известными ему гвардейскими офицерами для осуществления предварительного следствия по уголовным делам, возбужденным преимущественно фискальской службой России. Первую такую канцелярию, учрежденную 25 июля 1713 года, возглавил гвардии майор князь М. И. Волконский; вторую, основанную в

* Из 1609 преображенцев, участвовавших в сражении, 87 были убиты, 32 умерли от ран и 420 получили ранения.

** Сам Иван Никифорович впоследствии упоминал: «...в прошлом [1]715-м году, по именному его царского величества указу, велено мне, по доношениям разных чинов людей, о его царского величества интересе следовать».

1714 году, — подполковник Преображенского полка князь В. В. Долгоруков. Следственная канцелярия И. Н. Плещеева стала третьей. При этом степень доверия Петра I к Ивану Плещееву была такова, что, образуя в мае того же 1715 года следующую следственную канцелярию во главе с гвардии капитаном И. С. Чебышевым (о нем еще пойдет речь), глава государства оговорил, чтобы тот в «небытность» царя обращался за руководящими указаниями к И. Н. Плещееву²⁰⁵.

Для укрепления служебного статуса Ивана Никифоровича Петр I произвел его 9 июня 1715 года в «полевые» подполковники²⁰⁶ (с сохранением чина гвардии капитан-поручика)*. Того же 9 июня 1715 года состоялся именной указ Правительствующему сенату с предписанием направлять в распоряжение И. Н. Плещеева «царедворцев», отставных офицеров и канцелярских служащих согласно его запросам²⁰⁷.

Из числа «царедворцев» в следственную канцелярию были определены К. Е. Сытин и будущий прокурор Камер-коллегии стольник П. Б. Вельяминов, успешно проработавший с Иваном Никифоровичем до 1718 года. В распоряжении И. Н. Плещеева оказалась и небольшая воинская команда: еще в феврале 1715 года в его канцелярию «для караула и посылок» были откомандированы шестеро драгун сенатской роты²⁰⁸.

Что касается уголовных дел, находившихся в производстве канцелярии Ивана Плещеева, то о них на сегодня удалось выявить лишь разрозненные сведения. Так, известно, что 5 марта 1715 года канцелярия Ивана Никифоровича направила запрос в Правительствующий сенат с просьбой предоставить информацию по делам о шести лицах, содержащихся под стражей при сенатской канцелярии²⁰⁹, а 18 марта — по делу некоего бурмистра** Цынбальшикова, обвиненного фискальской службой в краже государевой казны²¹⁰.

Одним из первых и наиболее значимых уголовных дел, которые довелось расследовать канцелярии И. Н. Плещеева, стало возбужденное фискальской службой дело по обвинению бывших комендантов Важского уезда и Устьянских

* Петр I нередко практиковал присвоение очередных воинских чинов лицам, хотя и уволенным с военной службы, но назначенным на должности среднего и высшего звена на государственной гражданской службе.

** Выборное должностное лицо городского самоуправления.

волостей братьев А. А., Д. А. и О. А. Соловьевых* в преступлениях против интересов службы. Как явствует из архивного документа, в 1715 году канцелярия Ивана Плещеева изобличила братьев в получении взяток и незаконных сборах с поморских жителей на внушительную сумму в 4739 рублей²¹¹ (каковая, возможно, не являлась окончательной²¹²). 15 декабря 1717 года Петр I указал передать отмеченное дело из канцелярии И. Н. Плещеева в новоучрежденную следственную канцелярию Г. И. Кошелева и Ф. Д. Воронова²¹³, в производстве которой были тогда сосредоточены все дела по обвинению криминальных братьев.

Известно также, что значительная подборка уголовных дел была направлена в канцелярию И. Н. Плещеева согласно сенатскому указу от 19 июля 1715 года. Среди них находились, в частности, следующие дела, возбужденные московским провинциал-фискалом А. Я. Нестеровым: 1) на жителя Тулы Н. А. Демидова, обвинявшегося в том, что он растратил взятую из Ратуши на обустройство казенного винного завода в Московской губернии 1000 рублей, похитил у этого завода медные кубы, а вместо медных привез с собственного завода чугунные, «да и то малое число», а сам казенный завод сдал купцу Данилу Астафьеву в аренду всего за 200 рублей; 2) на того же Никиту Демидова — о выкупе им (при странном попустительстве сибирского губернатора князя М. П. Гагарина) казенного металлургического завода на Урале по пятидесятикратно (!) заниженной цене, а также уклонении от выплаты таможенных сборов в особо крупном размере; 3) на бургомистра Ивана Дубровского — о махинациях при выплавке серебра на Денежном дворе; 4) на бывшего сенатора В. А. Апухтина — о халатности при описи казны, хранящейся на Денежном дворе, в результате которой «затерялись» 500 казенных рублей; 5) на главу Дворцового и Конюшенного приказов стольника А. Т. Савелова, который за взятки записал в кречетники** и в дворцовые конюхи большую группу дворян, уклонявшихся от призыва на военную службу²¹⁴.

Ликвидация следственной канцелярии И. Н. Плещеева произошла после того, как 8 апреля 1719 года Петр I назначил Ивана Никифоровича судьей новоучрежденного

* На должности коменданта Д. А. Соловьев находился в 1705—1710 годах, О. А. Соловьев — в 1705—1707 годах, а А. А. Соловьев — с 1707-го по неустановленный год.

** Служитель при прирученных для охоты кречетах.

Московского надворного суда и членом коллегии при московском вице-губернаторе²¹⁵. 29 мая 1719 года Иван Плещеев направил в Правительствующий сенат доношение с вопросом о дальнейшей судьбе вверенной ему канцелярии и уголовных дел, находившихся в ее производстве. Со своей стороны И. Н. Плещеев предложил передать дела либо в иную следственную канцелярию, либо в Московский надворный суд, где он мог бы принять участие в их рассмотрении — уже в качестве судьи²¹⁶.

Рассмотрение вопроса о следственной канцелярии Ивана Никифоровича не затянулось. Уже 19 июня 1719 года Правительствующий сенат издал указ о ликвидации канцелярии с зачислением ее сотрудников в штат Московского надворного суда и о передаче в производство суда расследовавшихся ею уголовных дел²¹⁷. Таким образом, сенаторы приняли второе из выдвинутых И. Н. Плещеевым предложений*.

К моменту закрытия в следственной канцелярии трудились 12 канцелярских служащих во главе с дьяками Федором Сорокиным и Степаном Исаковым²¹⁸. Как явствует из архивного документа, все они, в соответствии с сенатским указом от 19 июня 1719 года, были переведены в Московский надворный суд²¹⁹.

Что же касается дел, расследовавшихся канцелярией И. Н. Плещеева, то их ожидала незавидная участь. Московский надворный суд не справлялся с рассмотрением и тех дел, которые поступали в него ординарным порядком.

Как отмечалось в докладе Сената от марта 1730 года, в 1727 году при ликвидации Московского надворного суда была выявлена 21 тысяча 388 (!) незавершенных производством уголовных дел²²⁰. Нет никаких сомнений, что среди этих «невершенных прежних лет дел» находились и дела упраздненной канцелярии Ивана Плещеева.

Петр I положительно оценил как итоги деятельности Ивана Никифоровича в качестве главы следственной канцелярии, так и начало его работы в Москве. В ноябре

* Тот факт, что следственная канцелярия, учрежденная по указу царя и ему же напрямую подчинявшаяся, оказалась ликвидирована сенатским указом, явился уникальным в истории государства и права России первой четверти XVIII века. По всей вероятности, подобный сценарий закрытия канцелярии был все же предварительно согласован И. Н. Плещеевым с Петром I, который дал общее указание (судя по всему, выраженное в устной форме) решить вопрос в Правительствующем сенате.

1719 года И. Н. Плещеев был произведен в полковники²²¹. А в следующем году на него буквально посыпались новые параллельные назначения.

15 мая 1720 года И. Н. Плещеев был назначен главой ведавшей сборами «соляных денег» Соляной конторы Камер-коллегии, 24 мая — включен в состав правительственной комиссии по описи имущества Казенной и Мастерской палат, патриаршей ризницы и Оружейной палаты²²², являвшихся тогда крупнейшими кладовыми драгоценных камней и металлов. Вероятно, именно во время проведения этой описи в июне 1720 года Иван Плещеев вскрыл преступную деятельность подьячего Бориса Иванова, который присвоил 2200 рублей казенных денег. Несмотря на то что заподозренный подьячий не сознался в содеянном даже под пыткой, имевший за плечами немалый опыт следственной работы Иван Никифорович сумел затем «по многому увещеванию» добиться от него чистосердечного признания («повинной»)²²³.

Оказавшись обремененным значительным количеством служебных обязанностей (причем весьма разнородных по характеру), Иван Плещеев обратился в июле 1720 года с личным письмом к кабинет-секретарю царя А. В. Макарову. Констатируя, что возложенных на него дел «в три года окончать не можна», и доверительно посетовав, что «сам ты известен, что меня никто не любит (!)», Иван Никифорович обратился к кабинет-секретарю с просьбой перевести его в прямое подчинение царскому Кабинету («в каманде ни у ково не быть, кроме тебя»)²²⁴.

Столь оригинальная инициатива бывшего следователя не нашла поддержки у главы государства. Вместе с тем, приняв во внимание очевидную перегруженность И. Н. Плещеева постоянными и временными обязанностями, 13 марта 1721 года Петр I указал его «от соляного дела уволнить»²²⁵ (то есть освободил от крайне хлопотного руководства Соляной конторой).

Правда, в том же 1721 году Иван Никифорович был определен главой новоучрежденной Раскольнической канцелярии (Раскольнических розыскных дел канцелярии), ведавшей противодействием старообрядчеству. Затем последовало еще более ответственное назначение.

12 января 1722 года состоялся закон о реорганизации Правительствующего сената²²⁶. Наряду с изменением принципа комплектования Сената и основанием прокуратуры этим законом предусматривалось создание при Сенате Ге-

рольдмейстерской конторы и должности герольдмейстера. За этим громоздким наименованием* скрывался весьма могущественный орган власти.

Согласно «Инструкции герольдмейстеру» от 5 февраля 1722 года глава Герольдмейстерской конторы отвечал за учет дворян, разрешал вопросы о подтверждении дворянства, противодействовал уклонению дворян от несения государственной службы, а также был обязан представлять Сенату кандидатуры для назначения на должности в высшее и среднее звенья государственного аппарата²²⁷. Иными словами, Герольдмейстерская контора стала своего рода управлением кадров Российской империи.

Первым герольдмейстером России Петр I определил 18 февраля 1722 года бывшего азовского вице-губернатора С. А. Колычева²²⁸, перед этим успешно организовавшего всероссийский смотр дворян (на который, как уже упоминалось, в декабре 1721 года явился и И. Н. Плещеев). Это назначение оказалось, однако, непродуманным: с 1717 года Степан Колычев находился под следствием следственной канцелярии гвардии майора С. А. Салтыкова по обвинению в совершении преступлений против интересов службы. Между тем на «хлебной» должности «главного кадровика» империи должен был находиться человек с безукоризненной репутацией, заведомо устойчивый к коррупционным соблазнам.

3 мая 1722 года в своей подмосковной резиденции — селе Преображенском Петр I подписал указ о назначении герольдмейстером полковника И. Н. Плещеева²²⁹. В связи с этим 17 мая был издан сенатский указ об освобождении его от всех иных должностей²³⁰. 16 июня 1723 года Иван Плещеев был включен в состав Комиссии по подготовке нового единого кодифицированного акта («Уложения») Российской империи, и это было единственное новое поручение за последние годы правления Петра I²³¹.

Как явствует из архивных документов, находясь на посту герольдмейстера, бывший следователь Иван Плещеев старался препятствовать назначению в органы государственной власти лиц, подвергавшихся уголовному преследованию.

Например, при обсуждении на заседании Сената 6 марта 1723 года кандидатуры дьяка А. М. Михайлова, представленной Святейшим синодом, Иван Никифорович заявил, «что де тот дьяк подозрителен», поскольку обвинялся

* Происходившим, несомненно, от немецкого *Herold*.

Юстиц-коллегией в хищении 10 тысяч рублей. В итоге кандидатура Андрея Михайлова была отклонена Сенатом^{232*}.

Учитывая, что в тогдашней России не велись списки осужденных, указанный контроль являлся нелегкой задачей.

Приход к власти императрицы Екатерины I еще более укрепил положение И. Н. Плещеева в правительственной среде. 14 июля 1726 года во время посещения заседания Верховного тайного совета императрица, заслушав челобитную Ивана Никифоровича о повышении чином, указала произвести его в действительные статские советники²³³ (IV класс Табели о рангах соответствовал генерал-майору в армии).

Именным указом от 17 февраля 1727 года герольдмейстер Иван Плещеев был параллельно назначен главой Доимочной канцелярии, подчиненной члену Верховного тайного совета графу П. А. Толстому²³⁴. 13 марта И. Н. Плещеев стал именоваться «президентом» канцелярии (с сохранением общей подведомственности Петру Толстому).

Доимочной канцелярии предстояло заняться пополнением доходной части государственного бюджета путем взыскания недоимок по налогам и сборам как с тяглого населения, так и с государственных органов и учреждений. После того как граф Петр Толстой был 6 мая 1727 года приговорен к лишению чинов и пожизненной ссылке, Иван Плещеев оказался самостоятельным главой нового ведомства.

В недолгое правление императора Петра II И. Н. Плещееву вновь довелось (хотя и ненадолго) вернуться к следственной деятельности. На этот раз Ивану Никифоровичу пришлось вести дело бывшего генералиссимуса светлейшего князя А. Д. Меншикова, сосланного в сентябре 1727 года в принадлежавший ему город Раненбург** Воронежской губернии. Именным указом от 20 ноября 1727 года герольдмейстеру Ивану Плещееву предписывалось выехать в Раненбург, изъять документы личного архива Александра Меншикова, а также допросить его по нескольким подготовленным в Верховном тайном совете вопросам («пунктам»)²³⁵.

Пять этих «пунктов» были выданы Ивану Никифоровичу 13 декабря²³⁶. В первую очередь И. Н. Плещеев должен был прояснить вопрос, касавшийся связей А. Д. Мен-

* Позднее, занимая в 1727—1731 годах должность воеводы Ядринска (ныне Ядрин Чувашской Республики), А. М. Михайлов попал под суд за вымогательство взятка.

** Ныне город Чаплыгин Липецкой области.

шикова с должностными лицами Шведского королевства. В частности, необходимо было допросить опального сановника, отправлял ли он письмо на немецком языке некоему сенатору Дибену, в котором гарантировал, «что со стороны российской ничего опасаться не надлежит, ибо-де власть в войсках содержится у него в руках, и наипаче, что тогда здоровье ея величества государыни императрицы [Екатерины I] зело в слабом состоянии», и получал ли он от шведского посланника барона Германа Цедеркрейца деньги в сумме пять тысяч червонных.

Иными словами, Ивану Плещееву предстояло расследовать возникшие в отношении ссыльного А. Д. Меншикова подозрения в совершении им государственной измены. Подобное поручение являлось более чем деликатным (не говоря уже об уровне его секретности) и свидетельствовало, что Иван Никифорович являлся доверенным лицом членов Верховного тайного совета («верховников»).

Как извещал И. Н. Плещеев Верховный тайный совет в доношении от 10 января 1728 года, Александр Меншиков «в важных делах запираетца, а по другим пунктам отвечает»²³⁷. В разгар следствия над Александром Даниловичем 24 февраля 1728 года, по случаю коронации Петра II, Иван Никифорович (вместе с его дальним родственником А. Л. Плещеевым) был произведен в тайные советники²³⁸ (III класс Табели о рангах соответствовал генерал-лейтенанту в армии). И хотя И. Н. Плещееву не удалось изобличить Александра Меншикова в государственной измене, низложенный «полудержавный властелин» был в апреле 1728 года отправлен с семьей в несравненно более строгую новую ссылку — в город Березов*, где и скончался в ноябре 1729 года.

В феврале 1730 года к власти пришла императрица Анна Иоанновна, и вскоре после этого правительственная карьера Ивана Плещеева завершилась. В декабре подверглась упразднению возглавляемая им Доимочная канцелярия²³⁹, а именным указом от 31 января 1731 года И. Н. Плещеев был освобожден от должности герольдмейстера²⁴⁰.

Нового назначения Иван Никифорович так и не дождался. По всей вероятности, новая императрица не доверяла многолетнему главе кадрового ведомства империи

* Ныне поселок городского типа, административный центр одноименного района Ханты-Мансийского автономного округа.

из-за его недавних тесных связей с «верховниками», к большинству из которых она относилась весьма негативно. Оставшуюся часть жизни И. Н. Плещеев провел отставником.

Скончался Иван Плещеев 7 мая 1750 года и был погребен в московском Богоявленском монастыре. На надгробной плите была начертана скромная эпитафия о том, что «мая 7 дня на память святого мученика Акакия преставися раб Божий тайный советник Иоанн Никифорович Плещеев»²⁴¹. В начале 1919 года монастырь был закрыт, а дворянские усыпальницы разорены.

В настоящее время храм Богоявления Господня бывшего Богоявленского монастыря* вновь стал действующим, и, спустившись в его подвальное помещение, можно увидеть несколько сохранившихся надгробий и фрагменты расколотых надгробных плит. Надгробной плиты И. Н. Плещеева среди них нет.

«РОЗЫСК ЧИНИТЬ О ТЕХ ДЕЛЕХ, ДЛЯ ЧЕГО ОН ПОСЛАН...»: И. С. ЧЕБЫШЕВ

Из числа первых российских следователей наиболее малоизвестной фигурой к настоящему времени остался Иван Самойлович Чебышев**. Между тем именно гвардии капитану И. С. Чебышеву довелось руководить четвертой по счету следственной канцелярией в истории государства и права России.

Иван Самойлович являлся выходцем из нетитулованной и весьма разветвленной дворянской фамилии, документально известной со второй половины XV века. На протяжении XVII века представители рода Чебышевых занимали должности в низшем и среднем звеньях государственного аппарата, имея «московские чины» дворян московских, стряпчих и стольников. Наиболее высоких «думных чинов» никто из Чебышевых, однако, не достиг²⁴².

Отец Ивана Самойловича, С. И. Чебышев, упоминался в 1676 году с чином стряпчего, а в 1692-м — стольника.

* Современный адрес: Москва, Богоявленский переулок, 2, строение 4.

** К началу XVIII века написание фамилии Чебышевых еще не устоялось и ее носители (в том числе Иван Самойлович) именовались в документах то Чебышовы, то Чебышевы.

В 1689 и 1691 годах Самойла Чебышев являлся алатырским воеводой²⁴³.

Дата и место рождения Ивана Чебышева остались неизвестными. Бесспорно лишь, что в 1696 году он имел высокий «московский» чин стольника²⁴⁴. В списках «московских» чинов 1690-х годов упомянуты также стольники Алексей Самойлович и Никита Самойлович, являвшиеся, вероятнее всего, братьями И. С. Чебышева. Каких-либо сведений о частной жизни Ивана Самойловича, его браках и детях выявить к настоящему времени не удалось.

Выяснить, когда И. С. Чебышев начал военную службу, также пока не представилось возможным. Из документального описания второго Азовского похода 1696 года явствует, что стольник Иван Чебышев принимал в нем участие в чине есаула²⁴⁵.

По всей вероятности, в 1701 году И. С. Чебышев поступил на службу в гвардии Преображенский полк²⁴⁶. 11 октября 1702 года во время многочасового штурма шведской крепости Нотебург прапорщик Иван Чебышев оказался в числе нескольких офицеров, добровольно присоединившихся к колонне, атаковавшей крепость²⁴⁷. Судя по всему, в качестве награды за участие в штурме в том же 1702 году Иван Самойлович получил очередной офицерский чин поручика, а также был переведен из 1-й роты Преображенского полка в гренадерскую роту²⁴⁸.

Именно с гренадерской ротой связан последующий этап гвардейской карьеры Ивана Чебышева. Гренадерские роты (появившиеся в российской армии на исходе XVII века) являлись штурмовыми подразделениями войсковых частей и комплектовались наиболее физически крепкими военнотружущими. Исходя из этого, можно предположить, что И. С. Чебышев отличался значительной физической силой и незаурядной личной храбростью.

В каких именно боях и походах Великой Северной войны принял участие Иван Чебышев после взятия Нотебурга, установить к настоящему времени не удалось, но воевал он, несомненно, достойно. Уже к декабрю 1706 года Иван Самойлович стал капитаном гренадерской роты Преображенского полка²⁴⁹, иначе говоря, ее командиром. Несмотря на то что, командуя штурмовым подразделением, И. С. Чебышев не мог не находиться в самой гуще боев, никаких сведений о полученных им ранениях выявить на сегодня не удалось.

Во главе гренадерской роты Иван Чебышев находился до 1711 года²⁵⁰. Далее его имя из списков полка исчезает.

Когда и при каких обстоятельствах Иван Самойлович покинул военную службу, так и осталось непроясненным. По всей очевидности, это произошло из-за серьезного ухудшения здоровья ротного командира гренадер. В документе, составленном в феврале 1718 года, Иван Самойлович упомянут уже среди отставных офицеров Преображенского и Семеновского полков²⁵¹.

Однако уход со строевой должности в гвардии вовсе не означал ухода И. С. Чебышева с государственной службы. Ивану Чебышеву суждено было оказаться в числе первых гвардейцев, кого Петр I назначил следователями. По именному указу от 9 мая 1715 года гвардии капитан* И. С. Чебышев был направлен в Азовскую губернию** для расследования уголовного дела о злоупотреблениях местных администраторов. Так в России возникла четвертая по счету следственная канцелярия.

По организации и поставленной задаче следственная канцелярия Ивана Чебышева весьма напоминала первую следственную канцелярию России — гвардии майора князя М. И. Волконского, учрежденную 25 июля 1713 года для расследования злоупотреблений должностных лиц Архангелогородской губернии. Как и в случае с канцелярией Михаила Волконского, канцелярия И. С. Чебышева руководилась им единолично, а также должна была осуществлять расследование непосредственно в назначенном регионе. Правда, в отличие от М. И. Волконского, подчиненного исключительно царю, Иван Чебышев должен был «в небытность» Петра I получать указания от гвардии капитана И. Н. Плещеева, главы другой следственной канцелярии, основанной в феврале 1715 года.

Поводом для создания следственной канцелярии Ивана Чебышева явились ставшие известными царю доношения азовских комиссаров Ф. Ремезова и А. Стерлегова, а также жителя города Лебедянь Гаврилы Боева²⁵² о злоупотреблениях группы местных администраторов — от дьяка губернской канцелярии Ивана Чашникова до лебедянского

* В XVIII веке военнотружующий сохранял право именоваться прежним чином (равно как и носить форменную одежду) и после отставки. Позднее это перестало быть общепринятым и стало оформляться в качестве особой льготы — увольнения «с мундиром».

** Несмотря на то что город Азов был в январе 1712 года возвращен Турции (по условиям Прутского мирного договора от 12 июля 1711 года) и губерньским городом стал Тамбов, а в 1715 году — Воронеж, губерния продолжала именоваться Азовской до 1725 года.

коменданта И. Домогацкого. Согласно архивным документам, Ивану Самойловичу предстояло расследовать выдвинутые доносителями обвинения в «похищении его государевой денежной казны... и в налогах*, и во взятках, и в неслужении**, и в укрывательстве от службе***, и в держании беглых салдат»²⁵³.

В свою очередь, в сенатском указе от 18 июня 1715 года отмечалось, что Иван Самойлович был направлен из Санкт-Петербурга «от фискалских дел»²⁵⁴. Иными словами, гвардии капитану надлежало также расследовать дела, возбужденные фискальской службой в отношении азовских администраторов²⁵⁵. При этом, хотя количество подобных дел, попавших в производство следственной канцелярии И. С. Чебышева, осталось неизвестным, можно с уверенностью предположить, что их количество исчислялось десятками.

К примеру, как явствует из архивного документа, только в Воронежской провинции Азовской губернии местный орган фискальской службы к апрелю 1716 года возбудил 16 уголовных дел, главным образом по обвинению должностных лиц разных уровней в совершении преступлений против интересов службы²⁵⁶. В частности, воронежские фискалы выявили эпизод преступной халатности коменданта Ф. Ляпунова, в результате чего сгнили хранившиеся в городе Острогожске запасы провианта для армии. А вот комендант города Романова**** был обвинен фискалами в неоднократном получении взяток от дезертиров и в хищении казенного продовольствия в особо крупном размере («крал из государевых житниц и возил подвод по 5 и болши»²⁵⁷).

Остается добавить, что в середине 1715 года Правительствующий сенат дополнительно поручил И. С. Чебышеву осуществить проверку двух заявлений о противоправных действиях различных лиц, совершенных на территории Азовской губернии. Первым таким заявлением стала исковая челобитная группы пахотных солдат Ряжского уезда, поступившая в Сенат в июне 1715 года²⁵⁸.

* В вымогательстве взяток с использованием служебного положения.

** В уклонении от мобилизации на военную службу.

*** В уклонении от привлечения на государственную гражданскую службу.

**** Ныне село Ленино Липецкого района Липецкой области.

Заявители утверждали, что местный помещик князь М. В. Кропоткин захватил часть принадлежавших им земель близ города Рязька. Предшествующие попытки солдат добиться восстановления нарушенных прав собственности в судебном порядке оказались безуспешными. Более того: как указывали челобитчики, в ответ на их последнее обращение азовский вице-губернатор С. А. Колычев, действуя в угоду Михаилу Кропоткину, приказал нескольких заявителей взять под стражу, а нескольких подвергнуть телесному наказанию.

Будучи осведомлены о прибытии в Азовскую губернию Ивана Чебышева, челобитчики просили поручить разбирательство дела именно ему (именуя при этом Ивана Самойловича «розыщиком»^{*}). Сенат удовлетворил ходатайство рязских солдат в полном объеме. Согласно уже упоминавшемуся сенатскому указу от 18 июня 1715 года И. С. Чебышеву поручалось не только проверить обстоятельства дела, но и вынести по нему судебное (!) решение.

Вторым заявлением явилось пространное доношение, направленное в Сенат дьяконом соборной церкви города Корочи Лазарем Лофицким²⁵⁹. В доношении содержались обвинения корочанского сотника И. Л. Тевяшева в совершении многочисленных преступлений против интересов службы.

В частности, заявитель привел сведения о получении Иваном Тевяшевым взяток с 66 (!) лиц, причем сопряженных с вымогательством²⁶⁰. Доноситель утверждал также, что сотнику оказывали покровительство полковник Острогожского полка И. И. Тевяшев и сам вице-губернатор Степан Колычев. 27 июля 1715 года Правительствующий сенат указал направить доношение Л. Лофицкого для проверки гвардии капитану И. С. Чебышеву²⁶¹.

Следственная канцелярия Ивана Чебышева не имела постоянной дислокации, функционируя попеременно то в Воронеже, то в Тамбове. Кроме того, на период одного-двух месяцев она располагалась также в Козлове^{**} и в Ельце. В последний год своего существования канцелярия размещалась в Москве.

^{*} Уникальное народное прозвание главы следственной канцелярии первой четверти XVIII века.

^{**} Ныне город Мичуринск, административный центр одноименного района Тамбовской области.

Аппарат канцелярии состоял из нескольких канцелярских служащих во главе с дьяком Василием Калининым, откомандированным в распоряжение И. С. Чебышева из Московской губернской канцелярии²⁶². Кроме того, Иван Чебышев нередко временно мобилизовывал в следственную канцелярию и местных «приказных служителей». Один из них — Семен Ремезов (прежде трудившийся в комиссии по демаркации новой границы с Турцией) — отработал в канцелярии Ивана Самойловича до самого ее закрытия²⁶³.

Судя по документам, введенным к настоящему времени в научный оборот, Иван Чебышев повел следствие с размахом и без всякой оглядки на руководство губернии. Воспользовавшись присутствием в регионе присланного из Санкт-Петербурга следователя, местные жители принялись напрямую обращаться к нему с заявлениями как о злоупотреблениях азовских администраторов, так и неправомерности вынесенных ими судебных решений.

В итоге следственная канцелярия Ивана Чебышева стала наводить буквально трепет на попавших в поле ее зрения администраторов. Как явствует из позднейшего документа, дошло до того, что оказавшийся в 1715 году под следствием по обвинению в должностных преступлениях елецкий подьячий Данила Данилов, опасаясь изобличения еще и в совершенном им умышленном убийстве, покончил с собой²⁶⁴.

Подобная независимая позиция следственной канцелярии не могла не вызвать противодействия со стороны губернских властей. Непосредственно управлявший Азовской губернией вице-губернатор Степан Колычев обратился с жалобами на действия Ивана Самойловича в Правительствующий сенат и к входившему в ближайшее окружение Петра I номинальному руководителю губернии генерал-губернатору Ф. М. Апраксину²⁶⁵. В посланиях генерал-губернатору Степан Андреевич обвинил И. С. Чебышева, в частности, в том, что он оказался под влиянием местных дворян Ремезовых, которые провоцировали в регионе «всякие непорядки... и мятежи... а простого народа людей привели к камандирам в непослушание и бесстрашие»^{266*}.

Реакция Ф. М. Апраксина достоверно неизвестна (хотя какие-то действия он, несомненно, предпринял, ведь генерал-губернатор всячески покровительствовал Степану Ко-

* Судя по всему, одним из этих Ремезовых был уже упоминавшийся Семен Ремезов, привлеченный И. С. Чебышевым в качестве канцелярского служащего.

лычеву). А вот Сенат откликнулся на обращение С. А. Колычева изданием указа от 12 марта 1716 года, согласно которому Ивану Самойловичу предписывалось «розыск чинить о тех делах, для чего он послан... а в другие росправные дела не вступать»²⁶⁷. Иными словами, И. С. Чебышеву было воспрещено самостоятельно возбуждать уголовные дела.

Учитывая активность Ивана Чебышева в разоблачении криминальных деяний азовских администраторов, можно предположить, что гвардии капитан взялся собирать компрометирующие материалы и на вице-губернатора С. А. Колычева. В любом случае расследовать дело в отношении вице-губернатора И. С. Чебышеву не довелось. По решению Петра I уголовное дело Степана Колычева было направлено в производство следственной канцелярии гвардии майора С. А. Салтыкова, учрежденной 9 декабря 1717 года (о ней речь пойдет ниже).

Между тем, руководя следственной канцелярией, Иван Чебышев сам оказался под следствием. Причем по обвинению в совершении особо тяжкого государственного преступления. Началось с того, что 30 марта 1718 года дезертир, бывший драгун Великолуцкого полка Андрей Полибин, находясь в «колодничьей палате»* Преображенского приказа, подал письменный «извет»** на двух руководителей следственных канцелярий — гвардии поручика князя М. Я. Лобанова-Ростовского и гвардии капитана И. С. Чебышева²⁶⁸.

Содержание извета было неординарным. А. Полибин объявил, что Михаил Лобанов-Ростовский и Иван Чебышев замыслили убийство (!) Петра I, которое планировали совершить в Москве, во время «потехи» на Царицыном лугу 1 декабря 1717 года. Будучи допрошен 31 марта и 9 апреля 1718 года, бывший драгун подтвердил содержание извета. В качестве источников информации Андрей Полибин сослался на разговор между Иваном Самойловичем и князем Михаилом Яковлевичем, который он подслушал во время пребывания под стражей в следственной канцелярии И. Н. Плещеева в Москве, а также на письмо (!) некоего подследственного, содержавшегося в той же канцелярии (уже, впрочем, умершего).

* Место содержания под стражей подследственных и подсудимых, прообраз современного СИЗО.

** Заявление о совершении или подготовке к совершению государственного преступления.

В принципе уголовное дело по извету А. Полибина могло и не возбуждаться. Во-первых, как явствует из последующих событий, бывший драгун страдал очевидным психическим расстройством. Во-вторых, покушение на Царицыном лугу в указанное изветчиком время заведомо не могло состояться по причине того, что почти весь 1717 год Петр I провел за рубежом и в Санкт-Петербурге, прибыв в Москву лишь 21 декабря. Учитывая, что в Москве царь неизменно проживал в своей резиденции в селе Преображенском, где дислоцировался и Преображенский приказ, его руководители не могли быть не осведомлены об отмеченной дате.

Однако, судя по всему, приняв во внимание особую общественную опасность преступления, о подготовке которого сообщил Андрей Полибин, в Преображенском приказе решили все же не оставлять извет без внимания. И. С. Чебышев и М. Я. Лобанов-Ростовский были срочно вызваны в Преображенское. На допросах оба гвардейца отрицали не только знакомство с А. Полибиным, но и само нахождение в Москве в указанное им время²⁶⁹.

Но бывший драгун не унимался. 21 августа 1718 года он подал новый извет, заявив на этот раз, что Иван Чебышев и Михаил Лобанов-Ростовский не только хотели убить Петра I, но и намеревались выбрать новым царем (!) главу Преображенского приказа князя И. Ф. Ромодановского. В конце концов после пытки на дыбе и очных ставок с гвардейцами А. Полибин сознался, что оговорил обоих, причем Ивана Чебышева назвал только потому, что мельком видел его в канцелярии И. Н. Плещеева²⁷⁰.

Следственная канцелярия И. С. Чебышева была ликвидирована в конце 1719 года. Одно из последних ее решений касалось доносителя Г. Боева. Придя к выводу (как представляется, ошибочному), что упоминавшееся выше заявление Гаврилы Боева о злоупотреблениях коменданта И. Домогацкого явилось ложным, Иван Чебышев приговорил доносителя к наказанию кнутом²⁷¹.

Уголовные дела, находившиеся в производстве канцелярии Ивана Самойловича, были переданы в Московский надворный суд. По всей вероятности, это было предпринято по образцу передачи в тот же суд дел следственной канцелярии И. Н. Плещеева, осуществленной, как уже говорилось выше, в соответствии с сенатским указом от 19 июня 1719 года.

В 1721 году из Московского надворного суда уголовные дела упраздненной канцелярии И. С. Чебышева были перенаправлены в Воронежский надворный суд. Как явствует из архивного документа, в феврале 1723 года в Воронежском надворном суде числилось дел, «которые имелись в канцелярии от гвардии капитана господина Чебышова»: незавершенных производством — 467 (!), завершенных — 159²⁷². Таков был итог работы четвертой следственной канцелярии России и ее руководителя.

Сведения о судьбе Ивана Чебышева после закрытия возглавлявшейся им следственной канцелярии крайне скудны. Известно только, что он был произведен в полковники, а в 1722—1725 годах занимал должность главы администрации Переславль-Залесской провинции²⁷³.

Все остальные сведения об Иване Самойловиче после 1725 года, приводимые в имеющейся литературе, относятся в действительности к его почти полному тезке — полковнику Ивану Васильевичу Чебышеву, 1669/1670 года рождения*.

Ни времени, ни места кончины Ивана Самойловича Чебышева установить к настоящему времени не удалось.

* Начав службу в стольниках царицы Прасковьи Федоровны, И. В. Чебышев принял участие в Крымских походах 1688—1689 годов, начальных кампаниях Великой Северной войны, Прутском походе 1711 года. В 1704 году получил ранение при взятии Дерпта (ныне город Тарту Эстонской Республики). В 1716—1732 годах возглавлял Суковский двор в Москве, а в 1732—1739 годах — Ямскую канцелярию. В феврале 1740 года уволен в отставку. Скончался в том же 1740 году. Степень родства И. С. и И. В. Чебышевых осталась непроясненной.